

Владарг Дельсат

Владарг Дельсат
Девница на печи

«Автор»

2026

Дельсат В.

Девушка на печи / В. Дельсат — «Автор», 2026

Шестнадцатилетняя Алена больше всего мечтала сбежать из дома, где ей не верят, не ждут и не защищают. В телефоне она писала славянское фэнтези про царевен, колдовство, Кощея и мир, где у героини наконец есть близкие. Но однажды сказка перестала быть выдумкой. Автобус, темнота, падение — и вот Алена уже в Тридесятom государстве, где Кощей не злодей, а правитель, царевна Несмеяна лечит раненых, печи бывают боевыми, а война подбирается всё ближе. Здесь никто не знает, кто она такая. Здесь легко погибнуть. Но именно здесь у Алены появляется шанс стать не лишней. Только сказка, в которую попадаешь по-настоящему, редко бывает доброй с первой страницы.

© Дельсат В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вера Семеновна	5
Странный кот	9
Автобусом пришибленная	13
Сапогом в бок	17
Мама Несмеяна	21
Учение воинское	25
Клятва	29
Угнать печку	33
Первый бой	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владарг Дельсат

Девушка на печи

Вера Семеновна

Кто вообще придумал, что девушки в платьях ходить должны? Кому конкретно мы должны? Пусть мне покажут этого умника!

Резко захлопнутая дверь обрывает очередной скандал, и я слетаю по лестнице, только дробно стучат подошвы ботинок по ступенькам. Хотя из дома беги, честное слово. Но я не побегу, потому что я сильная девочка, так папа говорил. Перед глазами он — как живой, когда я видела его в последний раз. Папа...

Дверь подъезда резко раскрывается, выпуская меня в летний день нашего городка, приутившегося на самом краю стремительно разрастающейся «столицы нашей Родины». Жара еще не вступила в свои права, рано я выскочила, но продолжать крики никакой возможности не было. И смысла, положила руку на сердце, тоже. Мама считает, что у меня нет стыда, я — что у нее нет сердца. И еще много чего нет, с тех пор как не стало папы.

Самым главным в жизни человеком был именно он. Он меня учил не бояться, стоять на своем и не сдаваться. Он поднимал меня, когда я падала, и радовался, когда побеждала. Папа... Три года минуло с тех пор, как мне сказали, что нет его больше на свете. Забрала его у меня Родина. Он был офицером и остался им навек, а я... Я помню его слова, его «так надо», его руки, обнявшие меня в последний раз. Я все помню, а вот мама забыла. Очень быстро она забыла того, кто был для меня смыслом всей жизни.

Папа... Полгода после его гибели прошло всего, когда она привела в дом другого. «Теперь это твой папа». И я тогда взорвалась, конечно. Подойди она иначе, да и он поведи себя по-другому, кто знает, как сложилось бы. А «новый папа» решил начать со страха, ну и получил в ответ. Теперь у нас война. Три года у нас дома такое вот, отчего я квартиру домом и не считаю. А в прошлом году умерла бабушка, и стало совсем плохо — спрятаться негде.

Я должна возвращаться в квартиру, спать вполглаза, потому что ни на грош отчиму не доверяю, да и маме тоже, а я девушка и... Ясно что, учитывая особенно, что в папу я красавицей удалась — светло-русые волосы, голубые глаза, реснички длинные. Еще два года и стукнет мне восемнадцать, тогда смогу хоть куда убежать. По слухам, даже в армию можно, хотя девушке там ой как трудно может быть. Но «дома» еще хуже. Так что...

Автобус номер три подходит к остановке, и я, разумеется, бросаюсь к нему. Сейчас увезет он меня на станцию, а там электричка в Москву. Сяду на Цветном бульваре в тишине и буду писать продолжение романа своего. Прямо на телефоне и буду, представляя себя там, в моей истории. Я фэнтези пишу, в славянском сеттинге, и вроде бы даже неплохо. Фанов больше, чем хейтеров, значит, выходит неплохо.

Не слишком я люблю сленг, потому что папа был против. Он всегда говорил, что язык засорять незачем, а устав гарнизонной службы заменит любой сленг. Да, устав я знаю, ведь столько времени рядом с папой была, и даже разок в танке запиралась по детству. Ну и знаю я тоже много, только в современном мире в танкисты мне вряд ли светит, так что надо другую специальность выбирать.

Завтра в школу еще, последний экзамен у меня, десятый класс закончу, и только год останется. По слухам, в одиннадцатом сплошное повторение и пугание аттестацией итоговой. Разное в школе говорят об этом, так что, как папа говорил, «достоверной информации нет». Ну нет, так нет, сама узнаю, куда я денусь? Отчим, кстати, поползновения свои к тому, что он воспитанием считает, прекратил после того, как я пригрозила. Ремнем он меня пугать взду-

мал, тоже мне. Папа считал, что девочек бить нельзя, поэтому мог сделать стыдно простым разговором. А этот... «коммерческий директор», прости господи. Какой он директор, если с людьми в моем лице говорить не умеет?

— Проездной, — сообщаю я нестарой еще тетке со злым усталым взглядом. Ей ругаться хочется, хоть с кем-нибудь, но меня она не тронет.

Сегодня мать моя прицепилась к штанам. Вытряхнуть меня из штанов — задача нетривиальная именно из-за того, что я себя в безопасности не чувствую. Это не я такая умная, а психологиня школьная. На редкость хорошим человеком оказалась и помогла понять многое. Ну и папину смерть пережить, ведь я после известия просто застывшей была, замершей. Вот она меня взамен мамы и отогревала.

Так вот, психологиня школьная бумагу выправила, чтобы у наших идейных новых идей не возникало. А сегодня мать с чего-то прицепилась, как будто других поводов поскандальить нет. А мне и привычнее в штанах, и удобнее, ведь с детства, когда с папой по танкам лазила, удобно было. Вот я себя в юбке, пытающейся в танк или бронемашину залезть, вообще не представляю. Что на нее все же нашло?

Необычная придирка, долгое время не придиралась именно к юбке, точнее, к ее отсутствию. Значит, здесь что-то нечисто и надо понять, что именно. Вот пока еду, постараюсь понять, потому что любые изменения в окружающей среде могут таить опасность. Зачем маме нужно, чтобы я обязательно в юбке оказалась?

Мысли в голову лезут не самые приятные, а учитывая степень моего доверия, так хоть домой не возвращайся. Кстати, мысль интересная. Полиция, если что, только на третий день искать примется, все же я не малолетка уже — шестнадцать лет. Значит, сначала попытается связаться, а там я и высказаться могу. И мама знает, что дури у меня хватит. Если меня хорошенько разозлить, то у меня много чего хватит, как у «бардака»¹ с отключенными тормозами.

Моя остановка. Выхожу, внимательно глядя себе под ноги, потому что дураков хватает, и направляюсь к первой платформе, откуда на Москву электричка уходит. Не прямо сейчас, а в принципе. Так вот, отчего я ей в платье нужна? Какие есть варианты? Как учил папа, раскладывая в голове по полочкам: то, о чем я подумала — это раз; схватить и содрать, чтобы никуда не делась — это два, а что еще? Воображение пасует, потому что в голове только варианты касательно непосредственной опасности крутятся. Вот и электричка.

Пустенькая она сегодня, что очень мне даже нравится. Усаживаюсь к окошку, продолжая размышлять на тему сегодняшнего скандала. Мать завелась с места в карьер. Я однажды видела, как танк дернули тросом, а он на второй передаче стоял и пошел вперед. Просто с нуля, и внутри никого. Так вот и мама сегодня — сидела я, завтракала, она сначала по-людски себя вела, а потом вдруг как заорет! И вот это самое непонятное.

Электричка отходит от станции, а у меня уже голова гудит от размышлений. Ничего не понятно все равно, и логичного объяснения тоже не вижу.

* * *

Люблю истории про попаданок. И читать, и писать тоже, потому что представляю себя на месте этой девушки, которой повезло. Вот совершенно точно повезло, ведь сказка вокруг — царь с царевнами, особенно с Несмеяной, а еще школа есть, в которой всему научат. И балы, и любовь... А у моей героини еще появляются близкие, которые ее понимают.

Я сижу в сквере, пишу историю в телефоне, а вокруг дети играют, бабушки отдыхают, на меня с подозрением поглядывая, а одна с интересом смотрит. Я их вполне понимаю — сидит девушка взрослая, что-то быстро на телефоне набирая и только время от времени слезы вытирает. А как тут не плакать, если моя героиня, в романе, который пишу, родных обретает?

¹ Жаргонное название разведывательно-дозорной бронемшины БРДМ-2

Сейчас еще немного попишу, а потом озабочусь обедом. Денег у меня немного есть, потому как в библиотеке я работаю, помощником библиотекаря формально, а фактически меня часто «на хозяйстве» оставляют, отчего я много книг уже прочитала.

Мама пыталась запретить, даже в библиотеку ходила, но Вера Семеновна, наша главная, дама принципиальная, потому наткнула мать мою носиком в Трудовой кодекс. Именно поэтому я могу себе позволить не унижаться, деньги на что-то нужное выпрашивая. Да, телефон у меня не самый лучший, и одежда в большинстве своем военного пошива, зато на свои деньги купленная. Нет у них надо мной власти, и бесит это мать мою невероятно. Не любит она договариваться, ну и я уже тоже.

Расписываю я, как героиня моя учится колдовать, а ее за это согревают. И подруги у нее есть, и даже... Эх, папка. Тяжело вздохнув, с трудом справляюсь с собой, ведь на людях плакать я себе не позволяю, а хочется уже сильно. Одна я на свете, получается, ведь если доверять некому, то так и выходит. Подруг у меня нет, кроме Варьки, но уехала она с родителями на Север куда-то, только в интернете и переписываемся. И хоть близки мы друг другу, но расстояние влияет.

Телефон, одежда, финансовые возможности — это все на иерархию в классе влияет, а у меня все свое, вот и выходит, что не престижно со мной дружить. Темы платьев меня не интересуют, вне школы одежда у меня из военного магазина, благо знают меня с тех пор, как папа... Привыкла я к ней и ни за что не сменю. Вот и сейчас рубашка, штаны, берет, мое каре полностью укрывающий. Я бы совсем «под мальчика» постриглась бы, но в школе есть такая Евгения Станиславовна, завучем промышляющая. Вот она выест мозг, если я так постригусь, так что лучше не буду опыты на своей нервной системе ставить, мне и так хватит.

Вот написала я обязательный минимум на сегодня. Где-то прочитала, что нужно обязательно в день тысячу слов писать, даже в день своих похорон. Это нужно для того, чтобы писать хорошо, а кому ж не хочется хорошо писать? В издательства же абы кого не берут, а хочется, чтобы книгу издали. И прославиться тоже, чем я хуже одной зарубежной писательницы, правильно?

Поднявшись на ноги, направляю стопы свои к ближайшему магазину, как бы он ни назывался. Мне всего-то нужно хлеба ржаного кусочек и кефир. Очень даже сытно получается и недорого, потому как деньги надо беречь. Ржаной хлеб папа очень любил, поэтому я только его ем. Вот иду я, главу наново читая, и думаю о том, что язык повествования медленно в современную жизнь переходит. Еще немного и буду я изъясняться, как сказочный персонаж. Смешно, согласна...

— Так, Сиротина, — слышу я знакомый голос, из мыслей выпрыгивая буквально.

— Здравствуйте, Вера Семеновна, — отвечаю я нашей главной библиотекарше, неизвестно откуда здесь возникшей.

— Здравствуй, Лена, — царственно кивает она. — И куда стопы свои направляешь? — речь у нее такая певучая, старыми словами полная, отчего слушать ее одно удовольствие, даже когда ругается.

— В магазин, — признаю я очевидное.

Вероятность появления здесь Веры Семеновны, по-моему, где-то совпадает с вероятностью пролета бабы Яги на ступе. Откуда она здесь? Почему меня окликнула, да еще и с такими удовлетворенными нотками? Непонятно совершенно, но я стараюсь быть максимально вежливой из всех сил — от нее много чего в моей жизни зависит, и знает она это.

— Я так полагаю, за обедом, — проницательно произносит главная библиотекарша. — Ну-ка, пойдем со мной, военная.

— Есть, — в тон ей отвечаю я, лишь затем поняв, что совершенно серьезно она меня военной назвала.

— Муж мой сорок лет в армии отслужил, — объясняет мне Вера Семеновна, неизвестно куда ведя. — Уж я на вас насмотрелась.

— Я из-за папы... — тихо произношу в ответ, потому что не хочу обманывать, когда можно этого не делать.

— Из-за папы, — кивает она, поворачивая в проулок какой-то.

Я иду за ней, ведь ссориться со своей начальницей просто так идея очень плохая. Очень я от нее завишу, потому что маме и отчиму не доверяю совершенно. Я и есть стараюсь не дома, чтобы не отравили, потому что кто их знает. Не верю я им. А вот Вера Семеновна меня в подъезд старого дома запускает, но ничего не объясняет, при этом отчего-то не могу я себе представить, что она меня сейчас топором и в рагу. Хочу, но не выходит отчего-то.

Она меня явно домой ведет, но вот с чего вдруг такая доброта, не понимаю я. С другой стороны, если хоть корочку хлеба даст, то меньше денег потрачу, ведь у меня все финансы рассчитаны и планирование жесткое. А вот в то, что Вера Семеновна отравить может, я не верю. Вот и иду за ней покорно, и так же спокойно в квартиру ее захожу.

Прихожая выглядит как из сказки: ажурные линии комода, телефон старинный на отдельной стойке стоит, как в музее, даже вешалка, на которой я беру пристраиваю, необычно выглядит. Поэтому я замираю на месте, а наша главная библиотекарь только вздыхает, но ничего не говорит, будто привыкнуть мне давая, лишь затем на дверь справа показав.

— Руки мыть и за мной, — звучит это приказом, а у меня в душе будто расслабляется что-то, отчего желание поплакать с новой силой меня охватывает. — Поешь и потом поплачешь.

И вот от этой фразы все понимающей пожилой женщины я снова замираю. Кажется мне в этот миг, будто бабушка ожила, ведь узнаю я. Интонации у нее в точности, и взгляд очень похож, поэтому я безропотно в дверь, ведущую к удобствам, вхожу. И вот тут все то же самое — чугунная ванна, которую я только на картинках видала, унитаз просто монументальный, с цепочкой, сверху спускающейся, краны... Действительно, будто время вспять тут лет на сто отмотано.

Необычно очень даже.

Странный кот

Как Вера Семеновна это провернуть сумела, я и не поняла даже, но дома я не ночевала. Она меня у себя оставила, при этом мать моя, с которой начальница моя разговаривала, и не думала возражать в своей обычной манере. Очень Вера Семеновна доброй ко мне оказалась, выслушала и даже дала возможность поплакать тихонько, но с утра она задумчивой выглядит.

— Тебе на экзамен к десяти? — уточняет она, помешивая чай. — Виталий отвезет, не спеши.

— К десяти, — киваю в ответ, все еще совершенно удивленная. — А Виталий — это?

— Сынок мой младший, — спокойно отвечает Вера Семеновна, и сразу же добавляет, не позволяя мне что-то не то подумать: — Он женат.

— Спасибо... — тихонько произношу я. Вот кажется мне, что мысли она читает!

Кусочек черного хлеба намазан маслом, чай черный паром исходит, и как-то тепло мне на душе. Я знаю, это все ненадолго, на время только, но живу я сейчас моментом одним. А главная библиотекарша наша попивает чай с сахаром вприкуску, бабушка так любила, и молчит она, хоть и покачивает головой, на меня глядя.

— Ну, хорошо, — будто что-то решив, говорит Вера Семеновна. — Предположим, ты бы могла оказаться в другой реальности, можешь такое себе представить?

— В другом мире? — на всякий случай переспрашиваю я. — Еще как могу! Я же пишу... ой.

— Не ойкай, нет в этом ничего плохого, — очень много в библиотекарше от бабушки, очень даже. — Так как?

— Я пишу славянское фэнтези, — признаюсь ей, смутившись. Наверное, вся красная сижу. — Ну где баба Яга, царевичи и школа, чтобы колдовать. А еще там есть друзья и... папа, — шепотом заканчиваю я.

— В сказки убегаешь, — понимающе кивает она. — Будь осторожной, если слишком глубоко погружаться, можно не найти дороги домой. Вот и сынок подъехал, пойдем, — без перехода продолжает Вера Семеновна, не позволяя мне ответить.

Нет у меня дома, вот что я ответить могу, но понятливо рот закрываю. Дом — это там, где любят и ждут. Несмотря ни на что ждут, как в ту войну ждали, о которой папа говорил часто, разбирая со мной танковые атаки. А меня нигде не ждут, совсем, я будто везде лишняя, вот такие у меня ощущения. И только начальница чуть погладила, а я уже и разнюниться готова. Надо брать себя в руки.

Сын Веры Семеновны на нее внешне похож, а еще у него взгляд добрый и ласковый, как у папы был всегда. И вот он ее обнимает сразу, и вижу я такую любовь, что от зависти расплачусь сейчас, наверное. А вот она ему сначала что-то рассказывает негромко, отчего серьезным становится ее сын, на меня короткий взгляд кинув, и кивает, с чем-то соглашаясь.

— Лена, Виталий отвезет тебя в школу, а после экзамена ступай на работу, — уверенно говорит мне Вера Семеновна, да так, что желание появляется «смирно» встать, как будто она не просто начальница — такая сила в ее голосе. — будем разбираться с твоей бедой.

— Есть, — только и отвечаю я, потому что кажется мне, что другого ответа не предполагается даже. Вот кажется мне, что перед офицером стою, отчего я себя немного странно чувствую.

— Виталий, школьных заткни, ты умеешь, — совершенно непонятно мне заканчивает она разговор, а затем я как-то моментально в машине оказываюсь.

И думаю я, что ехать долго придется, но машина разгоняется, остальные же автомобили в стороны от нее подаются, как будто боятся. Виталий смотрит внимательно на дорогу и молчит сначала, затем только совершенно неожиданно начиная рассказывать мне, как цветут цветы,

растет трава, как ветер шелестит кронами деревьев, чем почти убаюкивает меня. Очень спокойно на душе становится.

— Вы колдун? — со смехом спрашиваю я.

— Нет, Лена, — качает он головой, чему-то усмехнувшись. — Но где-то близко, не думай об этом.

И я послушно не думаю, потому что маленькой себя ощущаю сейчас. Причем такой маленькой, как будто папа жив, потому что вокруг уверенные взрослые, не желающие мне зла. Действительно, как в сказке, жалко только ненадолго это, но даже миг всего я оценить могу. Еще как могу, ведь впервые за год меня, можно сказать, защитили.

Автомобиль останавливается прямо возле школы, совершенно игнорируя правила дорожного движения, при этом явно удивившийся полицейский вдруг начинает делать вид, что его тут нет. Интересно, кто же такой сын моей начальницы? Очень необычно это, но надо вылезать, заканчивая волшебство. А не хочется, кто бы знал как!

— Не спеши, я с тобой схожу, — произносит Виталий, из машины выбираясь.

Ну и я выхожу, теперь только увидев — мигалка лениво помаргивает синим глазом. Учтивая, что у полицейского, что напротив школы охотится, вопросов нет, то имеет право. Пожав плечами, направляюсь привычным маршрутом, при этом Виталий уверенно входит, как-то успев еще и дверь передо мной открыть, чем охранника впечатляет, конечно. Рамка звенит, но Виталий показывает что-то и дальше идет.

Я спокойно поднимаюсь на второй этаж, прямо в перекрестье взглядов сильно удивленных одноклассниц. Разговаривать они со мной не желают, как и всегда, поэтому я у подоконника останавливаюсь, в ожидании начала, и тут выходит завуч. Вот то, что Евгения Станиславовна на экзамене будет присутствовать, — новость плохая, даже очень. Наверное, это для компенсации полученного мной сегодня тепла.

Она видит меня — внешний вид — и сильно краснеет лицом, уже раздувая капюшон. Звереет, значит. Одноклассницы настраиваются на зрелище, а мне... все равно. Хочет поорать — пусть ее. Мало ли какие у человека предпочтения, особенно у человека, что детей с трудом переносит, по-моему. Так что я просто обреченно жду, а она все накручивает себя.

— Евгения Станиславовна! — совершенно неожиданно появляется директриса, строго смотрящая на свою коллегу по террариуму. — Подойдите ко мне!

По-моему, удивлены, чтоб не сказать грубо, вообще все. Такими удивленными я своих одноклассниц вообще никогда не видела, а Евгения Станиславовна с шумом выпускает воздух, направляясь к явно чем-то испуганной директрисе. Любопытно, просто жуть как, но я все равно делаю вид, что мне совершенно все равно. Главное, чтобы не отомстили...

— Заходите, — командой звучит от дверей класса. — Быстрее!

И мы все заходим в кабинет, где все уже готово для экзамена: писчие принадлежности, несмотря на то что экзамен устный, лист бумаги, а на столе разложены билеты. Я только вздыхаю, делая шаг к столу, пока мои одноклассницы проверяют поговорку «перед смертью не надышишься». Вот интересно — отчего только девочки, мальчишки наши где?

* * *

Все же кажется мне, будто в сон я попала. Вот сейчас проснусь — мать орать станет, она повод найдет. И вот в мыслях своих находясь, я иду после экзамена, куда сказано. Оценка у меня отличная, потому что валить не стали. А не стали оттого, что Евгения Станиславовна не вернулась, поэтому я быстро отстрелялась, а сейчас на работу иду, как мне Вера Семеновна сказала.

В школе ни на минуту лишнюю не осталась, потому как насмеяться начнут, как они это любят. От фамилии образовали кличку и довольные все такие, как подвиг совершили. Поэтому

я и стараюсь подальше уйти, в сторону библиотеки. Попозже буду писать, потому что нужно сначала сделать, что приказано. Вот, кстати, непонятно — чего я слушаюсь-то?

Вера Семеновна себя как командир ведет. Как бабушка, как папа... То есть спокойно и уверенно говорит. Вопрос только в том, насколько ей доверять можно? Я не уверена, что готова вообще кому-то довериться, но если подумать, выбора у меня нет. Ее сын — большой человек, имеющий власть. Вот только зачем это показали мне и всей школе еще? Может быть, потому, что роли это не играет... Ну, например, они меня продать хотят в том или ином качестве. Можно ли в это поверить?

Вздыхнув, сажусь в автобус. Мне ехать долго, и думать тоже немало. В таком состоянии писать я вряд ли способна, так что нужно прикинуть, что я сделать могу, как проверить и обезопаситься. Не привыкла я людям доверять, и если на наши разговоры с другой точки зрения посмотреть, то выглядит все очень плохо. Вот, положим, хотят они меня в рабство продать или, скажем, на органы. От полиции закроет Виталий, а я поначалу и понимать ничего не буду. Может такое быть?

Автобус останавливается, обрывая мои мысли, я же иду в библиотеку. Выхожу и, не видя ничего, просто иду, пытаюсь мысль додумать. То, что меня могут не особо и искать — это факт, мама, по-моему, только вздохнет с облегчением, от меня избавившись, но таких, как я, тысячи. Почему я? Вот именно на этот вопрос у меня нет ответа. Поэтому решаю посмотреть, что будет.

Прохладное нутро библиотеки после неожиданно навалившейся одуряющей жары будто прочищает мозг. Если на улице, по выходу из автобуса, я воспринимала все вокруг просто жарким маревом, полным людей, то тут — тишь и покой. Но при этом пусто, будто и нет никого. Открыв незапертую дверь на втором этаже, я медленно вхожу в царство книг, удивляясь отсутствию привычных шепотков. Будто вымерла библиотека, никого нет. И действительно, стул библиотекаря пуст, и нет совсем никого.

— Лена пришла, молодец, — и снова Вера Семеновна будто из воздуха возникает. — Для начала ты считаешь интересную книжку, а потом мы еще разок поговорим, согласна?

— Согласна, — киваю я, протянув обе руки, в которые ложится пыльный том, обитый чем-то непонятным серого цвета.

— Как закончишь — приходи, — говорит мне главная библиотекарьша и будто исчезает вновь — не слышно мне звука шагов.

А в моих руках лежит увесистый том, озаглавленный «словарь». Просто одно слово и больше ничего. Очень это необычно, но безропотно сажусь я за стол, открывая этот том, а вот внутри написаны слова не очень обычные. При этом мне кажется, что терминология из какого-то фэнтези это. Внимательно я читаю и прихожу во все большее недоумение, потому что непонятно, зачем это мне. Громони какие-то, печки транспортные, печки боевые, колесницы еще...

— Не понимаешь? — голос с бархатистыми, даже мурлыкающими интонациями совсем рядом раздается.

Я резко поворачиваюсь, чуть со стула не слетев, но нет никого рядом, только большущий черный кот сидит, за мной внимательно своими желтыми глазами наблюдает. Огромный он просто, с овчарку, по-моему. И вот он открывает пасть свою, клыки мне продемонстрировав, и опять голос звучит. Тут я понимаю, что это он говорит, но такого совершенно точно в современном мире быть не может.

— Ты спишь, — информирует меня кот, заставляя выдохнуть. — В сквере задремала, а как проснешься... Впрочем, меня другое интересует, готова слушать?

— Готова, — киваю я, понимая, что действительно сплю. Ну, или с ума сошла, хотя эта идея мне категорически не нравится.

— Тебе не за что зацепиться, — произносит... кот. Какой-то он слишком серьезный, даже для сна. — И хочется покинуть этот мир, отправившись, как ты думаешь, в сказку. Правильно?

— Правильно, — киваю я, постепенно осознавая, что он просто мои мысли озвучивает. Значит, действительно сплю. — Маме я мешаю, отчим...

— Да, дома у тебя не все ладно, — совсем по-человечески кивает кот. — Ну, давай посмотрим.

Я не понимаю, что он смотреть хочет, но тут перед нами тарелка появляется, по ободу которой яблоко кружиться начинает, как в сказке. И вот там появляется картина — квартира, в которой я живу. Мама сидит, с отчимом о чем-то разговаривая, а перед ней бумаги какие-то лежат. И злится она сильно, даже очень. Я очень хочу услышать, о чем речь, и будто подчиняясь мне, картинка оживает.

— Он записал квартиру на Ленку, — видимо, продолжает разговор мама. — Если отменить удочерение, то это ничего не изменит — ей квартира останется. Значит, нужно, чтобы сдохла или с ума сошла.

— И есть у нас на это всего полтора года, — серьезно кивает отчим, а я пытаюсь осознать, что услышала.

Они обсуждают, как именно можно меня свести с ума, и, слушая ту, что считала матерью, я понимаю: именно так и можно. После такого я дрожащей тенью стану, не иначе, если вообще выживу. Но самое главное не это — раз удочерение отменить можно, значит, оно имело место. И вот в то, что неродная я, верю сразу. Пусть хоть какой сон, но верю я в это.

— Как проснешься, полиции все расскажешь, — вздыхает кот, вытянув заднюю лапу и внимательно ее осматривая, что разговаривать ему не мешает. — Но проблеме это не решит.

— У тебя предложения есть? — интересуюсь я, все еще в оглушенном состоянии находясь.

— Яга... хм... Вера Свет Семеновна может найти вариант для тебя, но ты не готова доверять, так ведь? — спрашивает он, и я против воли даже киваю просто заворуженно, на когти его глядя. — Но и в том, что ты сказкой считаешь, убить могут, ты понимаешь это?

— Везде убить могут, — вздыхаю я в ответ. — А так хоть к сказке прикоснусь. Зря я их столько написала, что ли?

— Будь по-твоему, — хмыкает кот. — Простые вещи ты знать будешь, а вот иные...

И в этот самый миг я просыпаюсь. Исчезает библиотека, говорящий кот, а ощущаю я себя на скамейке в сквере. Причем район мне не слишком знаком, но не заблужусь, метро много куда дотягивается, по станциям ориентируюсь, только не в этом вопрос.

Как мне поступить?

Автобусом пришибленная

В первый момент я подумала, конечно, что сном было вообще все, но в телефон взглянуть догадалась. Выходит, экзамен я сдала, и надо двигаться в библиотеку. Как я именно в сквер попала, не помню, но мне это и неважно сейчас, потому что вопрос моих дальнейших действий очень серьезный.

Если верить сну, мать моя, которая приемная, задумала очень плохие вещи. Так что в первую очередь, как папа говорил: «проверить достоверность полученной информации». Двигаюсь я в сторону метро, чтобы «домой» отправиться. Оба взрослых должны быть на работе, где лежат у нас бумаги, я знаю и куда мне категорически запрещено соваться, помню. Значит, именно там могут быть документы, мне интересные. Если... Если все так, то последую совету кота из сна, даже если я с ума сошла.

Поезд метрополитена уносит меня на «площадь трех вокзалов», как она в народе называется, телефон при этом я не достаю, потому что недалеко, а вот в электричке буду писать, ведь успокаивает это меня. Ощущение, что я не проснулась, то есть по-прежнему во сне, потому что как в тумане все. А еще плакать хочу, ведь поверила я коту во сне, сходу поверила, а такие новости вырвать нужно, но пока нельзя.

Я сейчас куда угодно соглашусь — и в книжку мою недописанную, и на войну, и вообще... Даже в Великую Отечественную, лишь бы подальше отсюда. Будто душно мне тут, в городе этом, в мире самом, в... даже и не знаю, как описать свои ощущения. Поэтому спокойно выхожу на «Комсомольской», поднимаюсь по эскалатору, а затем иду в привычном направлении, особо не задумываясь. Скоро я проверю, насколько сон правде соответствовал, и тогда уже можно будет решать.

Вот и электричка, в которую я едва втискиваюсь, что для времени суток необычно, но писать не выйдет. Раз не получится, то буду думать. Во сне кот сказал мне, что «там» могут убить. Если ему верить до конца, то задуманное «опекунами» гораздо хуже смерти, так что выхода нет. Значит, план такой: сначала проверяю, затем звоню в полицию... Или иду даже, только в Москве, чтобы рассказать все выясненное, да и подозрения тоже так, как будто... Хм... Ну, могла же я разговор подслушать? Вот.

Правда, что будет потом, мне неясно, ведь шестнадцать мне. Детский дом на два года или что-то еще придумают. Не то чтоб я кому-то нужна была, но просто так не выкинут, значит, надо с собой взять немного вещей, хоть на смену, а еще папины... Все, что у меня от папы осталось взять с собой, потом уже решать. Надеюсь, полиция меня не выдаст... хм... Значит, действительно лучше звонить, но из Москвы. В отделении могут задержать и никуда не пустить, чтобы не портить статистику в случае чего.

Неожиданно быстро доехав, «домой» отправляюсь пешком и не по обычному пути. Папа говорил, что врага надо удивить и ошеломить. Вот там, где меня никто не ожидает увидеть, я и иду. Одежда на мне камуфляжная, в лесу и не видно вовсе, если правильно себя вести, да и в парке я не по дорожкам иду. Кого бояться поняла уже — парни кучкой. Об этом шел разговор: заплатить бандитам.

Юркнув в подъезд, быстро поднимаюсь на этаж, прислушиваясь. Но все тихо пока, неопасно, выходит. Открыв дверь, запираю ее за собой, в том числе и на защелку, чтобы не было неожиданного сюрприза. Как папа говорил: «лучше быть параноиком, чем трупом», вот по его заветам я и действую. Сначала бумаги, потом вещи, а там «бой покажет» — это тоже папины слова. Даже если не родная я ему, он все равно самым-самым останется.

Выдернув ящик, вначале перебираю всякие свидетельства и справки, а затем залезаю рукой поглубже, достав вполне ожидаемое «тайное» отделение. Его папка делал, и как оно

устроено, я знаю. Осторожно открыв, вынимаю плотные листы бумаги с бросающимися в глаза государственными орлами². Значит, это то, что мне нужно. Сбрав волю в кулак, читаю.

Ну что сказать... Не соврал котик. Правда, удочерена я только мамой, потому что папина изначально, как получается. Ну и квартира тоже только на меня записана, так что и тут правда. Не сказать, что сильно дорогая у нас квартира, но люди готовы и за копейку удавиться, потому, думаю, и тут правда. Ладно. Раз так, то котик из сна верить необходимо.

А вот с моей комнатой... Замок, на который я ее запираю, вырван с корнем, ящики частично выдвинуты, как будто искали чего-то. Внимательно оглядываю вещи, а вот затем сердце буквально останавливается на мгновение — папин портрет изорван. И мои рисунки тоже, и... Все мои вещи, кроме школьных, разбиты, разбросаны. Я замираю на мгновение, ощущая себя совершенно ошеломленной, но затем отчего-то принимаюсь, еще не осознав, почему.

Запах. От ящика с моим бельем пахнет странно. Сладковатый такой запах, которого быть не может. Значит, это отравка, ведь ничем иным оно быть не может. И вот в этот момент будто что-то щелкает в голове, заставляя меня действовать. Одежду брать нельзя — она отравлена, папины вещи все уничтожены, а куда эти гады дели его ордена, полиция разберется. Я же быстро покидаю помещение, ничего больше руками не трогая. Детективы-то я тоже читала.

Сейчас на электричку, в Москву, там позвонить. А затем можно посидеть в сквере и в себя прийти. Если я в библиотеке разревусь, очень даже нехорошо будет. Потому мне надо будет успокоиться, главу дописать и только потом идти на работу. А пока я бегу изо всех сил, мне нужно успеть убежать, ведь кажется, какая-то черная туча за мной гонится, готовая убить, уничтожить, отчего я дрожу уже вся.

Увидев необычно задержавшуюся «Ласточку», прыгаю в нее, и в этот самый момент двери закрываются, а поезд отправляется в Москву. Будто бы меня ждала она, но это, конечно, не так. А сердце бьется заплотенно, и страшно еще, того и гляди в обморок упаду. Усаживаюсь в свободное кресло, пытаюсь дух перевести и осознать увиденное.

Отравить белье можно, я в кино видела, тогда через кожу яд впитаться может. И даже не яд, потому что органическая химия многообразна, так папа говорил. Разбили все папино... Значит, были уверены, что я не вернусь? Или решили сегодня сделать то, что задумали? Не сходится тогда. Хотя не будь сна, как бы я отреагировала? Собрала бы вещи и бегом из дома — месть планировать. А там рано или поздно переделась бы, да даже если бы и нет... По-моему, логично.

Жалко, папка танкистом был, а не спецназовцем, я в лесу в одиночку выживать не умею, а кому можно при таком раскладе доверять, вообще не знаю. И что делать?

* * *

Вот, кажется, в опасности я, и жизнь вся под откос буквально, а вместо истерики пишу главу очередную, где мою героиню любят. Я и умереть согласилась бы, лишь бы на миг один с ней поменялась. Уже совершенно на все согласна, кажется, хоть это и не так. Но я сижу и пишу главу, а потом уже поеду на работу, узнаю, что еще мне судьба приготовила.

Полицейский по телефону был спокоен, очень вежлив и все записал, попросив после работы прийти, и даже сказал, куда. И все! То есть больше ничего не сказал, хотя звонок зарегистрировал и мои данные записал. Если теперь что-то случится, то знать будет, что именно произошло. Хотя кого я обманываю... Шутка о том, что «когда убьют, приходите» давно уже не смешная, так что не верю я, что защитят.

Значит, надо идти на работу, если Вера Семеновна мне не приснилась. С другой стороны, я не дописала еще и не успокоилась вообще никак. Потряхивает меня от всего произошедшего.

² Фигура речи у Аленушки такая. Шутить изволят.

Ну и сон еще... Правду кот, выходит, сказал во сне: нет у меня никого. Лишняя я, никому не нужная. Так что даже если Вера Семеновна с Виталием этим преступники, то все равно уже, выходит.

— Расселась тут! — слышу я старческий голос с вредными такими интонациями.

Подняв взгляд от телефона, вижу старушку в возрасте «столько не живут» и в настроении «кому бы жизнь испортить». Есть такие люди, которым очень надо поругаться, но сейчас она будто подчеркивает, что лишняя я. И, настроившаяся вцепиться в меня, она уже открывает рот, а я поднимаюсь на ноги. Я просто поворачиваюсь к ней спиной и ухожу, потому что нет ни сил, ни желания ругаться у меня. Да и смысла нет никакого...

Обычно я так не делаю никогда, но сейчас мне очень главу дописать надо, поэтому я копирую сверстников — втыкаю взгляд в телефон, быстро-быстро набирая текст. И ложатся ровные строчки о том, как царица Несмеяна впервые в жизни тепло почувствовала и плакать перестала. Я пишу, а по лицу моему слезы текут, чувствую я их, но не отвлекаюсь. Ноги несут меня куда-то, а вокруг будто пустыня.

Ну что может Вера Семеновна сделать? Себе возьмет? Или действительно продаст туда, где много что делать заставить могут. В то, что сломать меня довольно легко, я верю, но и идти мне некуда. Можно в полицию, куда сказали, но и там страшно очень, ведь очень разное о детских домах говорят. Так что не будет мне ни тепла, ни близких, ничего не будет... И от таких мыслей плачется только горше.

Наверное, поэтому я безопасностью и пренебрегаю, работая с телефоном на ходу впервые в жизни. Все я знаю — и что наткнуться на людей можно, и что под машину попасть, и много еще чего, только мне важнее кажется дописать главу, вот намного важнее, совсем же немного осталось. А тогда я телефон сложу и на работу поеду, навстречу судьбе.

Как-то моментально все рухнуло в жизни. Три года скандалов, и вдруг внезапно выясняется, что... Стоп! Вчерашний начался с того, что «мать» настаивала на юбке. Учитывая, что они хотели сделать, то понятно, почему именно юбка, но почему сейчас? Что такого случилось, что у них терпение закончилось? Вот это самый большой вопрос, потому что непонятно все.

«И тут ему березка и говорит человеческим голосом...» — появляются строчки на экране, уже полностью увлекающей меня историей. Даже самой интересно, что одно дерево другому сказала. Герой у меня иногда такое дерево по уровню понимания нежных девушек, что просто одуреть можно. Как только он мне в голову такой пришел? Как будто и не я вообще писала эту историю с начала и до конца.

У всех авторов, я читала в чате авторов, бывает такое — как будто «это не я, оно само». Вот и у меня так же, смотрю я на героя своего и не понимаю, почему он так поступает, будто и не я его описала. А вот героиня — точно я. И характер у нее мой, и желание близких... Будто наизнанку я выворачиваюсь, полностью раскрываясь, и живу там, в царстве этом. А сейчас медленно иду по проспекту какому-то и пишу историю, растворяясь в ней. При этом, что интересно, ни на кого не натыкаюсь, а должна бы, но отвлекаться просто не хочу.

Нет у меня желания выплывать из сказочного царства, просто совсем нет. Как будто потеряю я связь с ним, если отвлекусь. А там у меня скачет на верном коне добрый молодец без мозгов. Вот положи руку на сердце, зачем ему мозги? Он же все равно их использовать не умеет, кроме как едой в рот попадать. А вот товарищ его все по героине моей вздыхает. Ее Аленушкой зовут, как меня. Так-то я Елена, но папа меня называл Аленушкой, и псевдоним я такой взяла — Алена Печная, красиво, по-моему, звучит.

И вот у Аленушки появляется все то, чего у меня не может быть. Любимый самый, подруги, а еще — мама, которой можно поплакать, и папа, что неприступной стеной стоит, от всего защитить готовый. И вот когда описываю я их житье-бытье, реву просто, как маленькая, потому что не будет у меня такого, а хочется иногда до воя, до крика просто. Но не заслужила

я, видимо. Будто гибель папы все счастье в жизни с собой забрала, и ничего хорошего не будет уже.

Минорное у меня настроение от всех новостей, а истерики нет. Тоже непонятно, почему нет истерики? Должна же быть. Совершенно точно быть должна, а я спокойна, как кирпич в полете. Раньше и по меньшему поводу могла, а теперь вдруг спокойная, а меня чуть ли не убить уговаривались, между прочим. Что это со мной происходит? Может быть...

Додумать мысль не успеваю. Откуда-то гудок громкий раздается, и что-то сильно бьет меня слева. Как доской или дверью. С огромной силой удар будто по всему телу, и я сразу же куда-то лететь принимаюсь. И вот ощущение такое странное, что я лечу вечность. Перед глазами темно, боль сразу же исчезает, но ощущение полета остается. Что случилось, я не понимаю, но и думать об этом не хочется. Полет не прекращается, но передо мной появляется давешний кот. Он сидит, на меня глядя, а я пытаюсь сообразить, как я его различить-то могу в темноте.

— Ну, удачи тебе, автобусом пришибленная, — я слышу насмешку в его голосе, но ничего ответить не успеваю, потому что исчезает он.

Меня автобус задавил... Значит, я умираю. А удачи тогда зачем желать? Или будет как в романах про попаданцев? Сейчас вот открою глаза, а там добры молодцы в очереди стоят на меня поглядеть, значит, и танки в два ряда. А вот интересно, что в сказке может танк заменить?

Эту мысль я тоже додумать не успеваю, потому что с размаху падаю, а земля, травой вдруг запахшая, с силой вышибает из меня дух.

Сапогом в бок

Прихожу я в себя оттого, что мне что-то чувствительно в бок прилетает. Хоть не было у меня такого опыта, а ощущение, что сапогом стукнули. Кто меня может сапогом стукнуть после незапланированной встречи с автобусом? Вот и я не знаю, но вслед за этим голос раздается. Мужской, что характерно. Басовитый такой, но вот манера речи совершенно непохожа на современную, а больше всего напоминает именно то, о чем я пишу.

— Ну ты, чего разлегся? — интересуется неизвестный мне пока, по причине зажмуренных глаз, мужчина. — Порты подтяни да к сотне ступай.

И вот тут я глаза раскрываю, а передо мной стоит стражник такой колоритный. В кольчуге он, с копьем в руке, и в шлеме, как из фильма старого про Александра Невского. Еще даже не сообразив, что именно он сказал, я старательно пытаюсь подняться.

— Сомлел, как девка, — выплевывает этот самый стражник. — Быстро встал и к сотне побег! Недосуг мне нынче весь день ждать, пока ты тут разлеживаешься.

Он меня за парня принял, судя по всему, но по мне же видно... Или нет? Я поднимаюсь с трудом, голова кружится немного, отчего лесная полянка, на которой я, оказывается, лежала, качается немного. Стражник же комментирует очень обидно, отчего я и выпрямляюсь. А он копьем тычет туда, где за деревьями толпа народа просматривается.

— Одежа чудная какая, — качает он головой. — Что стоишь? Руки в ноги и побег! Али подмогнуть? — делает он характерный жест своим оружием.

Нет, против копья я возражаю, потому бегу, куда сказано, пытаюсь при этом привести мысли в порядок. Мысли не приводятся, потому что происходящее совершенно невозможно. Но если предположить, что я в сказку попала, тогда все сходится — даже то, что меня за парня приняли: я в штанах, стрижка у меня каре, сейчас под берет спрятанная. С точки зрения сказочных персонажей, девушкой я быть не могу, так что все правильно.

Только ощущаю я себя совершенно потерянной, а вот тем временем добегаю до кучки мужчин, потому что это совершенно точно не строй. На меня смотрят с интересом, но не более того, а я оглядываюсь. Более всего место, где я нахожусь, на поле похоже, из леса я только что вышла. Слева высятся дома типа «терем», три штуки, и на них надписи есть, которые я пока не понимаю, а вот справа — два приземистых дома типа «барак», по-моему. Оглядев строения, я возвращаюсь к теремам, но прочитать написанные с завитушками слова не успеваю, потому как к кучке подходит другой... хм... стражник?

— Здравы будьте, люди добрые, — обращается он к нам всем. — Вы записались в войско Кощеево, дабы Тридесатое от врага лютого оборонить.

Кощеево? Тридесатое? Я едва не отвешиваю челюсть в удивлении, потому что до такого моя фантазия не доходила. Не сочетается у меня в голове извечный злодей, обороняющий государство от врага. Но я совершенно точно уже не в Москве, то есть... А что это может значить? Или я сошла с ума, или стала «попаданкой», или это вообще все галлюцинации. Я читала, такие перед смертью бывают. В первом и третьем случае им же хуже, поэтому буду считать, что случай второй. Я все равно лишней оказалась совершенно всем, почему бы и не начать новую жизнь. Ну а закончится она, я и не узнаю.

— Я десятник Прохор, — сообщает стражник, оказавшийся не стражником. — Вы войнами будете, коли лекари согласятся. Потому идете по одному в лекарьню, где вас щупать станут.

Слово «щупать» мне не нравится. В целом не люблю именно такого подхода. И непонятно, как мне быть-то. Лекарьня, по-видимому, это больница. И там должны быть доктора, как бы они ни назывались. И если они там есть, с ними договориться можно. Или хотя бы спросить, куда я попала и есть ли альтернатива. В общем-то, мне все равно, конечно, но я помню: в

фэнтези что-то было о том, что все в банях моются, а это значит, своими признаками светить придется, против чего я категорически возражаю.

Значит, надо договориться, другого варианта нет. И хоть имеется у меня ощущение, что войско не просто так формируется, и что раскроют меня, но не страшно просто. Даже и не знаю, почему, — ведь нравы тут должны быть простыми, поэтому могут и принять за лазутчицу какую, если тут такие вообще водятся. А пока я думаю, будущие воины по одному в центральный терем заходят, но не выходят почему-то. И немного страшно мне от этого, потому что мало ли что.

И вот, пока я так думаю, очередь продвигается. Вот уже и мне пора, отчего я только вздыхаю. Внутренне хочется чуда, но и устала я от всего, потому не жду ничего хорошего. Раздрай у меня совершенный в душе, и поэтому я не задумываясь вперед иду, в терем заходя. Но внутри него не комната, не лестница, а... Я в темноту совершенную попадаю и оглядываюсь, пытаюсь хоть что-то разглядеть. Яркая вспышка заставляет присесть, вскинув руки, и вот тут что-то происходит... Непонятное.

— Глаза можешь открыть, — сообщает мне голос с ворчливыми интонациями. Послушавшись, обнаруживаю себя сидящей на корточках посреди небольшой комнаты. Напротив меня невысокий мужичок стоит, с бородой до пола, одетый во что-то, военную форму напоминающее. — По лестнице на второй этаж поднимаешься, третья дверь налево. Понял?

— Понял... — тихо отвечаю я, сглотив окончание.

Он теряет ко мне интерес, я же на ноги подымаюсь и иду в указанном направлении. Оглушенной себя чувствую совершенно, просто не понимая, что происходит. Понятие дисциплины мне знакомо, оттого и выполняю я приказы. Лестница обнаруживается чуть дальше — простая деревянная, по которой я быстро поднимаюсь и, обнаружив нужную дверь, захожу туда, забыв постучаться.

А там сидят трое — воин в форме, на нашу похожей, и две женщины в одинаковых зеленых платьях до пола почти. Тоже чем-то форменные напоминают, было что-то подобное на фотографиях времен той войны, о которой папа так много знал. Только, по-моему, у летчиц такая форма была, хоть и не помню я уже. Так вот, сидят они и на меня внимательно смотрят. А я от неожиданно нахлынувшего страха даже осмотреться не могу.

— Колдовская сила за две сотни, — сообщает одна из них. — Или в печкари, или в летники.

— Что-то в нем странным мне кажется, — делится с ней вторая не представившаяся. — Давай-ка его к лекарям, а потом горынычем испытаем. С летниками у нас тоже все плохо.

— Хорошая мысль, — кивает воин, а затем мне на дверь справа, мной раньше не замеченную кивает. — Туда ступай.

— Хорошо, — тихо произношу я и иду, куда сказано.

Внутри же больничная палата, только пустая. Нет никого в смысле, а так все белое, застеленные кровати, чуть поодаль стол стоит, за которым суровый врач обнаруживается, на меня устало, но строго глядящий. Страх становится сильнее, ведь я начинаю осознавать, что это не книжка и не игра.

* * *

Суэта началась, потому что на команду «сымай порты» я отреагировала неожиданным даже для меня смущением, вот местный доктор, который называется лекарем, вызвал кого-то. И на меня сейчас смотрят двое — один в такой же форме, что и все, второй в белом одеянии, на ночную рубашку длинную похожем. Я стою, со страхом внутренним борюсь, припомнив, что я несовершеннолетняя вообще-то, то есть ребенок, а ребенка в сказках могли и... Ну, понятно что. А боли я не люблю.

— Не нечисть, точно тебе говорю, — произносит тот, что в белом, руками помавав. — И дух русский.

— Девка это, — вздыхает врач местный, через какую-то полупрозрачную пластину на меня посмотрев. — Дитя совсем. Ты чья будешь-то?

— погоди, лекарь, — останавливает его тот, кто в форме. — Тут что-то необычное, Ягу бы позвать, да не ответит она.

— А чего не ответит? — удивляется тот, что в белой рясе, что ли...

— Летниц она учит, — объясняет незнакомец в форме. — А вот девушка эта наши одежды не узнает, и, судя по всему, сейчас реветь станет. Как звать тебя, девушка нездешняя? И что за одежда на тебе?

— Алена я, — почему-то представляюсь псевдонимом, хотя Ленка и Аленка синонимы, по-моему. — А это военная форма, чтобы в лесу не видно было, ну и на танке тоже.

— Волхв, ты понял, что она сказала? — интересуется лекарь у того, кто в белых одеждах.

— Воинского рода девушка, — объясняет тот. — Надо расспросить и к делу пристроить.

Тут они спорить начинают о чем-то непонятном, а я понимаю только то, что убивать меня пока не будут, а вот насчет того, о чем я подумала... Это возможно, насколько я вижу. И даже представляю себе, как именно это возможно, отчего страхом захлестывает, и руки, будто сами в движение приходят. Незнакомые мужчины видят мое движение и спорить прекращают.

— Разбираться надо, — вздыхает лекарь, ко мне затем обращаясь. — Не бойся, Алена, колотушек не будет, Кощей запретил вразумлять таким образом.

А в голосе его ласка. Ко мне так давно никто не обращался, с тех пор как папа... Но я стараюсь сдержаться и не заплакать, а он очень ласково, добрым таким голосом рассказывает, что бить и мучить никто меня не будет, просто найдут дело по силам, да научат всему, что не знаю я. Именно от ласки, да от доброты, сдержаться становится очень сложно. Но тут вдруг опять что-то происходит, отчего становится темно, и я падаю, кажется, во что-то теплое.

Будто выключает меня, как кнопкой какой, поэтому, когда свет снова появляется, я теряюсь: по ощущениям лежу, причем не одетой, но хоть прикрыта чем-то. Открыв глаза, я обнаруживаю, что действительно лежу в кровати больничной, до шеи укрытая, а рядом обнаруживается и доктор, лекарь, как она тут называется. Лет сорок ей, по-моему, при этом взгляд такой — понимающий.

— Очнулась, — констатирует факт она. — Меня зовут Несмеяной Елисеевной, тебя Аленой. Ты нездешняя и ничего не знаешь. Ты рассказываешь мне о том, как тебе жилось прежде, не боясь ничего, а мы думаем, что дальше делать. Договорились?

— Договорились, — отвечаю ей, потому что от меня все равно ничего не зависит. Что захотят, то и сделают, ведь сильнее они меня во много раз.

— О том, что возможны другие миры, осведомлена я, — объясняет мне Несмеяна, которую зовут так же, как царевну сказочную, только это не она, по-моему. — Одежка у тебя ненашенская, враги наши такого тоже не делают, к тому же тайник говорит, не лазутчица ты, а они в таком не ошибаются. Рассказывай.

— Я... Алена, — вздыхаю, начиная свой рассказ. — Я... у меня...

С трудом взяв себя в руки, начинаю свой рассказ. Врать я и не собиралась, потому что мне выговориться нужно, а там будь что будет. И рассказываю я о погибшем за Родину папке, о том, что мать, которая опекуницей оказалась, задумала. Несмеяна с ходу не понимает, и мне объяснять приходится. Ну и обо всем случившемся тоже повествую, но когда я о коте черном говорить принимаюсь, останавливает она меня.

— Именно во сне все и подтвердилось? — спрашивает Несмеяна.

— Да, — киваю я, потому что большую часть проверила, а меньшую пусть полиция проверяет. — Только что сделать хотели...

— Оно понятно, — в задумчивости произносит лекарка. — Знать бы, отчего именно в Тридесатое, тебе же другие миры ближе быть должны.

И вот теперь я сильно смущаюсь, так что щеки будто в огне горят. И рассказываю ей о том, что писала, о героях моих и о том, чем героиню главную за все наградили. А Несмеяна вперед подается и вдруг обнимает меня. Так тепло становится, как никогда в жизни, кажется, и вот тут я плачу. Просто не могу сдержаться, ведь оно само пробивается, вызывая просто детский какой-то рев. А она меня качает в руках и обнимает так, как кто-то очень близкий, родной просто.

Наверное, поэтому я успокоиться не могу долго. И хоть понимаю, что тепло это на миг всего, как было с Верой Семеновной, но ничего не могу с собой сделать. Иначе совсем Несмеяна обнимает, будто защитить хочет. Меня так только папа обнимал, когда жив был, а мать вообще никогда. А сейчас меня будто настоящая мама обнимает, и хоть закончится все через мгновение, но не хочу я этого. Из всех сил не хочу, ведь очень это мне важно оказалось.

— Не плачем, — негромко, но как-то моментально останавливает она мою истерику. — Сейчас я расскажу тебе, где ты оказалась, а ты пока подумай, примешь ли меня.

Я не понимаю сначала, что она сказать этим хочет, и переспрашиваю, конечно, лишь затем замерев просто. Несмеяна хочет меня своей назвать. Она объясняет это тем, что плохо, когда нет никого, но я вижу, это она для меня объясняет, а сама готова мне стать действительно близкой. И тогда такое тепло у меня не на миг один будет, а, может быть, подольше?

И тут, будто и не замечая моего состояния, она свой рассказ начинает. И вот сразу же мне что-то знакомым кажется, но не из фэнтези, что я писала, а из истории реальной. Так вот... Царства здесь нет. Есть Свободное Тридесатое Государство под управлением Кощея Бессмертного, который, между прочим, Вождь и Учитель, что товарища Сталина так, как о нем говорят, напоминает. Так вот, он царя скинул, но убивать не стал. А Несмеяна, действительно царевна бывшая, чуть ли не боготворит Кощея, что мне странным кажется. Выводы делать я не спешу, ведь за тепло, что она мне дарит, я уже и на Кощея согласна. Да на что угодно, на самом деле, лишь бы лишней не быть. А еще...

Здесь идет война.

Мама Несмеяна

Несмеяна уходит, а я обдумываю мне сказанное. Очень мне описание напоминает Великую Отечественную, даже название врагов — «немцы». Я-то знаю, почему на Руси иностранцев немцами звали, причем всех скопом, но откликается что-то в душе, все ж таки воспитание сказывается. И вот третью неделю война идет, а новости все туманные, все как папа рассказывал о первых месяцах той войны. Он ее, конечно, не застал, да никого уже нет из тех, кто видел, но историю знал. И я, конечно, ведь я папиной всегда была.

И вот слушаю я, понимая, что происходит. Ну прошлое хорошо знаю, вот и понимаю: люди, нечисть, все встали на защиту Родины. Это правильно очень, но танков здесь нет, а что есть, надо выяснять. Несмеяна говорит о том, что устав различается, да и вообще все отличное, поэтому она предлагает мне поучиться сначала, а потом и поглядим. И чувствую я, надеется она на скорое окончание войны, как и в ту войну надеялись.

— Конечно, — киваю я, задумавшись на миг. — А можно мне волосы подкоротить и в штанах? Ну, если за это не будет...

— Ох, дитя, — вздыхает Несмеяна, погладив меня. — Не будет тебе ничего. Нынче же обряд проведем, чтобы не думала ты ничего дурного.

— Обряд? — удивляюсь я, непонятно же ничего.

Оказывается, здесь не просто под опеку берут. Вот как у нас много бумаг нужно, оформление, то, се, а здесь умнее сделано — обряд меня действительно дочкой Несмеяны сделает. Я не опекаемой или удочеренной стану, а буквально кровь от крови, только на природу сил это влияния не окажет. Здесь, в Тридесатом, у девочек силы ведовские, а у меня колдовские, как у мальчиков, поэтому сразу и не поняли, так вот даже после обряда они таковыми останутся. Но мне все равно, ведь я не знаю, что это значит.

— С одежей ты придумала хорошо, — кивает мне готовая статья... мамой Несмеяна. — У нас тут воины одни, поблизости лишь печкари, вот там тебя и поучат.

— Хорошо, — киваю я, понимая, что она знает лучше. Но выяснить, почему не возражает против мужской одежды, тоже надо.

Но, видимо, потом. Она зовет кого-то, и передо мной появляется столик, миска с супом и кусок хлеба. Я понимаю, что домовый мне это выдал, ну и благодарю его, конечно, отчего Несмеяна улыбается. Она очень ласково ко мне относится, отчего я себя маленькой ощущаю. Это не совсем обычно, но я не хочу задумываться, просто совсем.

— Дитя обожженное, — произносит домовый, которого я логично не вижу. — Волхва я позвал.

— Благодарю тебя, — слегка кланяется Несмеяна. — Сразу и проведем, а потом я тебя, раз ты воинского рода, отдам на учебу.

А я себя странно чувствую. С одной стороны, растерянность никуда не делась, с другой — я Несмеяну моментально принимаю. При этом во все ее слова с ходу верю и даже думать ни о чем плохом не хочется. Насколько это вообще нормально? Ощущение, будто я во сне, и даже слабость наваливается, но я доедаю очень вкусную еду, а потом, кажется, просто засыпаю прямо с ложкой в руке. И снится мне, что на полянке я какой-то стою, а на мне только платье прямое до земли, а рядом... мама. Из моих мечтаний, снов, надежд, настоящая мама рядом стоит, меня за руку держа, и спокойно мне от этого, ведь ничего плохого случиться не может.

А еще волхв что-то говорит или делает, но я не прислушиваюсь — мама рядом стоит. Я так мечтала о том, что это возможно, сколько раз описывала и завидовала своим героям, и вот теперь, будто в награду, она рядом. И чувствую я ее, отчего счастлива просто невероятно. Нет таких слов, что описать могут мои ощущения. Я понимаю — сон закончится, но почему-

то совершенно по-детски уверена: мама останется, она не исчезнет, не бросит меня. И будто блестящие сияющие окружают нас в этом самом сне.

— Аленушка, — очень ласково, буквально купая меня в тепле, произносит она. — Тебе просыпаться пора.

— А ты будешь? — жалобно спрашиваю ее, ведь будто лет пять мне здесь, во сне этом.

— Я теперь всегда буду, — улыбается она и гладит меня по волосам. — Открывай глазки, доченька.

Я не сразу глаза открываю, мне сначала поплакать надо, а потом слушаюсь, конечно, ведь ей же виднее. Вполне ожидаемо вижу палату больничную и маму. Несмеяна теперь мамой воспринимается, ведь тянусь я к ней внутренне вся. Хотя и не очень это обычно, я знаю, но всей душой чувствую — она и есть моя мама. Не выдержав своих эмоций, я протягиваю к ней руки, как маленькая, и понимает она меня, обняв.

— Вот и ладно, — сообщает мне мама. — Волхв говорит: вовремя мы, могли и опоздать.

— И что бы тогда было? — сразу интересуюсь я, не потому что опасаюсь, а интересно просто.

— Погибнуть могла, потому что не нашего мира дитя, — объясняет она, — а отчего, расскажу.

Мама мне жизнь спасла. Что случиться могло — это непонятно мне, но раз обещала, то расскажет. Чувствую я себя очень даже хорошо, но прыгать не спешу, а слушаю, что мне скажут, показывая лицом всевозможное внимание. И вот мама начинает свою речь. Она напевно звучит, отчего я заслушиваюсь, конечно, но ловлю каждое слово. И вот тут мне самое время удивиться — много им известно о «попаданцах», не я первая такая. Только Тридцатое, выходит, чем-то отличается, и сильно, но со мной отдельная история, потому что от меня мой прежний мир отказался. Выкинул, как бы странно это ни звучало, и вот поэтому я могла погибнуть, если бы не мама.

Она меня к Руси привязала, и теперь я здешняя, но глупенькая, потому что ничего не знаю. С этим мне тоже обещают помочь, раз я военная, как Вера Семеновна сказала. Мама называет это иначе, но смысл тот же, так что выходит, что мне теперь военному делу заново учиться надо. Причем во время войны. А начать с географии, хоть какой-то истории и общих знаний. Учитывая, на кого похож по описанию Кощей, не знать простых вещей может быть очень чревато. А мне проблемы совершенно точно не нужны, так что буду учиться.

— Да, это правильно, — кивает мама, мне принесенные ею вещи протягивая. — Одевайся.

Предложенная форма местного типа, но мужская, что меня радует, несмотря на то, что женская тоже существует. Это потому, что вождь ввел равенство. Причем не на словах, на деле ввел, отчего никто и не считает девушку кем-то хуже мужчины, а очень даже уважительно относится. Так вот, форма. При ближайшем рассмотрении она форму той войны напоминает — гимнастерка, шаровары — я в музее видела. Ну а раз в Великую Отечественную девчата могли в штанах ходить, то и от моего вида никто не рассыплется, как мне думается.

* * *

Мамин... ну теперь-то наш, получается, терем. Он совсем недалеко от аптеки находится, а рядом с ним еще несколько, как мне кажется, однотипных. Как в сказках выглядят: с резными окнами, в два этажа, но вот золочения всякого, мной ожидаемого, не вижу. Впрочем, долго разглядывать мне мама не позволяет, за собой внутрь крайнего со стороны аптеки ведя.

— Так, тут мы живем, — произносит она. — Тихон Потапыч наш домовый, с ним надо обращаться вежливо. Тихон Потапыч, познакомься с дочкой моей, Аленушкой.

— Здрава будь, Аленушка, — раздается тут голос такой... скрипучий, по-моему, но, кажется мне, добрый он. — Побила жизнь девоньку. И теперь?

— Теперь всему ее научить надобно, а через седмицу и воинское дело постигать будет, — информирует его мама. — Так что располагайся, а я прикину для тебя одежку, ведь нет ничего.

— Благодарю, — тихо отвечаю я, уже зная, что слово «спасибо» здесь не принято. Почему — догадаться несложно, поэтому стараюсь не сбиваться.

— Вот и умница, — хвалит меня мама, на стол показывая. — Усаживайся. Тихон Потапыч книги учебные тебе даст и наставлять станет, а мы с тобой к вечеру встретимся, все же службы у меня. Да, Тихон Потапыч, Алена у меня из запределья, а там у них, похоже, коло-тушками воспитывают.

— Бояться станет, — вздыхает голос, что будто отовсюду звучит. — Не беспокойся, Несмеяна, не обижу я дитя.

Вот на этом мы расстаемся. Маме работать надо, а мне учиться, ведь ничего я не знаю, даже простых вещей. И вот домовой преображается, начиная мне рассказывать, как Тридесятое устроено. Ну, сначала о том, что именно произошло и почему Несмеяне, маме моей, очень нравится не быть царевной. Я слушаю очень внимательно, потому что все знать надо.

А вот после простых объяснений начинается школа. Причем очень интенсивно рассказывает он о географии и истории. Именно то, что знать надо, ну а затем мы учимся писать. И пером гусиным, и специальной волшебной ручкой, больше на привычные мне похожей. Вот пером у меня очень плохо получается, потому как от руки пишу я редко и только в школе, а тут мало того что ручка не шариковая, так еще и очень осторожной надо быть, чтобы не порвать бумагу, не наставить клякс.

— А теперь мы поговорим о науке ведовской и колдовской, — не давая мне почти перерыва, сообщает домовой. — Ты отличаешься от девиц Тридесятого, потому сложнее будет. Но по порядку...

И вот тут я понимаю, о чем мне мама говорила. Девушки в Тридесятом обладают ведовской силой, все девушки. «Находясь в единении с природой», они используют свои силы, потому могут летать в ступе или еще как, а у парней, у всех, сила только колдовская, как... у меня. Я подозреваю, что колдовская она из-за описания моего... Ну в фэнтези, я же разницу не знала. А вот тут, оказывается, очень большая разница.

— В летницы не возьмут, — сообщает мне домовой. — Они на своей силе летают, а воины на берегах, но никто не согласится, чтобы... И с печкарями то же самое. Так что, мыслю я, дорога тебе только в лекарки полевые, ежели так воинского дела желается.

Вот это он меня огорошил, можно сказать. Я военная, потому что папа... Но все изменилось уже, и теперь я не знаю, как правильно будет. С другой стороны — война же идет. Враг напал на Тридесятое, а все вокруг мне кажутся расслабленными какими-то, как будто не происходит ничего страшного. И вот это мне странным очень кажется, но спрашивать я пока не буду — маму подожду, потому как странно все же.

— А пока ты поешь и отдохнешь, — говорит мне Тихон Потапыч.

Тут спорить бесполезно, да и не хочется, потому как проголодалась. Очень быстро все изменилось, да и я внутренне тоже, выходит. Учусь быстро, запоминая сразу, как будто заколдовали. А еще удивление будто уснуло и мысли в голове шевелятся вяло очень. У меня больше должно быть эмоций, но они куда-то делись. Придет с работы мама, буду ее спрашивать.

Почему я ее мамой принимаю, Несмеяна мне объяснила — обряд виноват, но ведь я ее такой приняла и до него. Мне сейчас кажется, что я маму приняла и без всякого обряда, вот только насколько это нормально, понять сейчас не могу. А еще мысли у меня изменились — я о телефоне не вспоминаю, об одежде, о том, как примут мое исчезновение... хм... там. Будто и нет никакого «там», и не было никогда, а только я тут и все. А еще нет тоски жуткой по папе, грусть есть, а той тоски нет совсем, как будто настоящая мама ее стерла, мне кусочек души подарив.

— Слушайте, люди, слово Вестника Кошечкина... — голос за окном, но будто и в комнате, которая горницей, кажется, зовется. — В течение дня вели наши воины ожесточенные бои на Китежградском направлении. Вечной славой покрыл себя десятник Иван, жизнью своей выкупив отступление обоза...

Понятно, это что-то вроде Совинформбюро из нашей истории. И такие же туманные сводки, как папа рассказывал. Надо только на карту посмотреть, где тот Китежград-то находится, потому что сдаются мне, отступают войска. О победах кричат громко, о поражениях неохотно. Но учитывая все то, что я уже услышала о врагах, это очень плохо, ведь они похуже фашистов будут... А это значит, что не смогу я в стороне быть, ведь и маме они угрожают.

— Ты что-то поняла, — кажется, совсем рядом произносит Тихон Потапыч. — А что?

— В истории того мира, откуда я сюда попала, была жуткая война, — вздыхаю я, припоминая. — Пришел враг, желавший убить нас за то, что мы есть. Он мучил людей, убивал детей... И вот так же, как сейчас — туманно говорили в начале и радостно в конце. Мы победили, но каждый третий погиб. И вот я сейчас...

— Похожее услышала, — я слышу понимание в его голосе. — Зло в любом месте не дремлет и действует похоже. Садись-ка, поведаю я тебе о круговороте душ и чем так опасны немцы, на нас войной пришедшие.

— Хорошо, — киваю я, удобнее усаживаясь.

И вот тут я узнаю что-то совершенно необыкновенное: умершие в Тридесатом насовсем не исчезают, а оказываются в Нави, откуда потом детьми возвращаются. Потому сама по себе смерть еще не трагедия. Потеря, а не катастрофа, но... Немцы как-то убивают так, что душа не попадает в Навь, именно поэтому они так страшны. И, наверное, потому войско и отступает — умирать страшно, ведь, выходит, окончательная это смерть.

Даже если так, ради мамы я на что угодно соглашусь. Ну и не верю, что дела так обстоят. Наверняка же враг души ворует, чтобы потом или шантажировать ими, или еще чего...

Учение воинское

Город Галич, близ которого мы находимся — это, по сути, центр боевой подготовки. Здесь расположены части самоходных печек, как из сказок, «боевые колесницы», воинские подразделения. А вот авиация в Гороховске, например. Но сегодня, по прошествии трех недель, мама меня приводит в часть, рядом расположенную. Здесь меня будут учить разнице между уставами, но вечером мы все еще домой.

— Говоришь, воинского рода, — сотник на меня смотрит, а я «смирно» стою, потому что звание уровня командира роты или эскадрильи. — Заметно.

— Устав знает, но не нашенский, — вздыхает мама, ласково мне улыбнувшись. — Я бы ее на печи предложила, время займет, не будет о дурном думать.

— Тоже верно, — кивает ей высокий воин в панцире, что вдвое меня шире и на голову выше. — Алеша! Подь-ка сюда! — громко, да так, что я даже чуть приседаю, зовет он кого-то.

А в сводках Вестника Кощеева уже звучит «оставили», и еще враг подошел к Китеж-граду, как и в нашей истории, только там город иначе назывался. Сотник же зовет парня молодого, чуть ли не моего возраста, поручая ему меня — выучить на печку, которая совсем не похожа на картинку. Это скорее кирпич самодвижущийся с местом для механика-водителя, и для стрелка. Незакрытые башенки с выставленными «огнебоями», как здесь огнестрельное оружие зовется. Пулемета нет, а только пушки того или иного калибра.

Множество новых слов пришло в мою жизнь. Вместо «Есть» — «Буде так», вместо «Так точно» — просто «Так», и самое главное военное слово, как папа говорил, здесь звучит как «Повинен». Но кроме уставных слов, которые я уже выучила, есть еще и названия, для которых я нахожу привычные аналоги, вот, например, «светоскрыт» — это светомаскировка, «громень» — бомба или снаряд, нет отдельного слова, «небобой» — зенитка, «ладьяшка» — самолет, ну и так далее. Аж голова пухнет, но справляюсь я.

— Вот, Алена, тебе воин Алеша, — произносит сотник Силантий. — Он обучит тебя печному бою, а еще, как правильно ходить следует, доклад держать и прочим премудростям. Не передумала?

— Никак, — выученным словом отвечаю я, и он кивает. — Все понял, Алеша?

— А это точно девка? — уточняет свежезванный, пока я его изучаю. — В штанах да без косы... Что натворила-то?

— Из дальних пределов убежала, — это мама объясняет, потому как незачем всем знать, что я попаданка. — Едва спаслась.

— Ясно, — что-то свое понимает Алеша и ко мне поворачивается.

Форма на нем такая же, ничем не примечательная, кроме знаков в петлицах. Здесь звание петлицами обозначают, только знаки не «шпалы» с «кубиками», как у нас были, а значки рода войск: крылья у летчиков, мечи у воинов, щиты у обережников, а у печкарей — стилизованные печки. И вот у него половинка печки наискосок разрезанная, а что это значит, я пока и не знаю. Он выше меня, волосы короткие, белобрысенький, по-моему, на голове подшлемник, у меня, кстати, тоже. А глаза его яркого синего цвета. Красивый он, на самом деле, хоть и думать о таком мне рано. Совершенно точно рано, ведь я только жить, можно сказать, начинаю. Надо будет его о тактике применения поспросить, кстати. Если она на танковую похожа, то я сразу же много знаю.

— Пойдем, воин Алена, — предлагает мне Алеша, хитро посмотрев. Ясно все, проверяет он меня. Армия есть армия, сколько я видела, когда с папой...

— Буде так! — отвечаю ему и иду вослед строевым шагом. Местный отличается от того, к чему я привыкла, но несильно.

— Вольно иди, — улыбается Алеша. — Поговорим вначале, а там и учиться придет пора.

— Хорошо, — вмиг расслабляюсь я, улыбнувшись.

Странно, не упивается он своей властью. У нас бы девочку под команду отданную заго-няли бы. К этому я готова была, расспросив маму, но он совсем другой какой-то. Хочет позна-комиться, видимо. Может быть, это из-за мамы? Нет, вряд ли, она же лекарка, а не генерал, так что тут что-то другое. А тем временем Алеша к скамейке невысокой идет, рядом с которой печка стоит. В зеленый цвет она окрашена, но это не совсем правильно, потому что танки же тоже камуфлируют.

— Ты воинского рода, — уверенно произносит Алеша. — А сейчас война, на которую тебя никто не пустит, да и меня тоже. Поэтому будем сначала правильно ходить, а потом уже и печку изучать. Может, и сгодимся на что. Вопросы есть?

— Нет вопросов, — качаю я головой, — можешь учить.

— У тебя глаза погрузнели, — негромко говорит он, показывая, что замечает все, но вопрос не задает.

— Я папу вспомнила, ну, батюшку, — признаюсь ему, а потом, будто колдовство какое, я просто рассказывать начинаю.

Каким он был, как говорил, как возил меня везде. Я рассказываю, а сама понимаю — легче на душе становится. Здесь, в Тридесятom, тоска волнами проявляется. Вот только вчера только грусть, а сегодня вспомнила, и сразу глаза мокрые. Алеша же слушает очень серьезно, кивая мне, будто все и так понимая. Вот кажется мне: он отлично все знает, но позволяет мне рассказать.

— Ну тогда так и будем делать, как твой батюшка поступал, — решает Алеша, а потом вдруг командовать начинает. — Стройся! Бегом!

И гоняет он то бегом, то шагом, а затем и ползти заставляет. Я и подумать ничего не успеваю, а только бегу. Правильно это делаю, как папин друг учил, который из десанта был, поэтому не сбиваю дыхание. И вот он останавливает меня, кивнув чему-то. Я медленно оста-навливаюсь, немного шагом пройдя еще, все же давно такой физкультуры не было.

— Выносливая ты больше иных воинов, — сообщает Алеша, предлагая присесть. — Значит, можно воинским шагом всюду ходить, так и привыкнешь. Сейчас уставу тебя учить стану.

— Бude так, — спокойно отвечаю ему, потому что иного ответа в таких случаях не пред-полагается. — А клятва на верность Родине в Тридесятom существует?

— Да еще как, — кивает он, заулыбавшись. — Только это не просто клятва, если дашь ее, пути назад не будет.

— Это ясно, — произношу я, понимая уже, что в бой вступать все равно придется.

— Тогда... Повторяй за мной, — для чего-то оглядевшись, предлагает мне Алеша.

Наверняка разрешения на присягу у него нет, да и у меня тоже, но Алеша решается помочь мне с этим. Вот его мотива я не понимаю, но ведь сама же захотела. Я-то понимаю, почему захотела, ведь история явно тем же путем, что в Великую Отечественную идет. А тогда на бой и стар и млад встали. И я думаю, сейчас то же будет, поэтому лучше быть воином, а не неизвестно кем.

* * *

Печку я внимательно осматриваю со всех сторон. Выглядит она скорее парящей. Зеленый парящий в сантиметре от земли кирпич. В отличие от сказки, управляют печкой с помощью оберегов, и силы они потребляют еще как. Водитель и стрелок находятся рядом, между ними пушка, зовущаяся «огнебоем». Заряжается она с казенной части, но не слишком просто. То есть ехать и стрелять очень сложно, хоть и возможно.

— А если гаргуля какая налетит? — интересуюсь я, помня папины слова об уязвимости танков.

Алеша задумывается, я тем же занимаюсь. Почему я печку сразу за танк приняла? Потому что пушка? Нет, дело в чем-то другом, а вот в чем, я сразу и не соображу. Это не танк, а скорее самоходная артиллерийская установка. Но вот применение ее должно быть таким же по идее. Ну, с поправкой на сказку, что значит — надо врагов изучить.

Вот чувствую я себя сейчас на своем месте, что мама точно видит, но никак не комментирует. А я тем временем все больше к ней привязываюсь. И кажется, что больше некуда, а все равно ощущение такое, необычное. Так вот... есть у меня мысль, что Алешу и печку мне отдали, чтобы посмотреть, что я делать буду. Надо будет маму спросить обязательно, а сейчас я рассказываю Алеше о противозенитной обороне, камуфляжной расцветке и даже пытаюсь об обвесе сказать, но он меня не понимает. В смысле, зачем это нужно, поэтому пока отложим.

— Говоришь, если пятнами покрасить, в лесу незаметно? — интересуется он.

— Завтра покажу, — обещаю я, а пока щепочкой на земле прикидываю, как расположить второй огнебой так, чтобы не нужно было перезаряжать. В бою у нас может не быть на это времени. К тому же калибр...

— Выясню к завтраму, — кивает Алеша, внимательно разглядывая мой импровизированный чертеж. — Слышала, Китежград осадили?

— Слышала, — вздыхаю я, потому как было такое и в нашей истории. — Но я верю, что не сдадут.

— Нельзя его сдавать, — соглашается он со мной. — Заканчиваем на сегодня?

Алеша живет в войске, то есть, в казарме, потому что нет у него никого. Я хотела уже с мамой поговорить на эту тему, но не решилась. Правил приличия тут я почти и не знаю, а подставлять никого не хочу. И хоть постепенно перенимаю манеру речи, но все же еще не полностью, поэтому, наверное, могу что-то неправильно понять.

— Заканчиваем, — улыбаюсь я, потому как мне еще с домовым заниматься.

Он явно хочет со мной пройти всю программу местной школы за несколько месяцев. По крайней мере на это похоже. Вот только зачем... Может быть, что-то знает особенное или просто ответственный. Тоже надо будет осторожно выяснить, а теперь пора домой идти, тут недалеко. Потому я прощаюсь с Алешей, направившись затем к моему терему, который именно домом воспринимается, потому что ждут меня там. Действительно ждут...

Алеша красивый очень. Он меня на два года старше, но иногда будто младше, а еще хороший. Вот раньше я не понимала этого слова, а сейчас очень даже, потому что чувствую так. Хорошо, что он есть. Вот кажется мне, что не просто так меня ему привесили, что-то знают командиры наши. Кстати, о командирах, мне еще учить знаки различия, кто кому подчиняется, а кому и нет вовсе. Здесь, в Тридесатом, это не так просто.

— Здрав будь, Тихон Потапыч, — приветствую я домового первой, едва в дверь войдя.

— Здравствуй, Аленушка, — ласково у него это произнести получается, отчего я улыбаюсь сразу. — Думы какие?

— Две даже, — хихикаю я, руки ополоснув да к столу садясь. — Кажется мне, что Алешу и печку мне выдали, чтобы посмотреть, чего я сотворить сумею. Проверяют, значит. А еще — отчего ты хочешь меня поскорей по школе провести?

— Начну с конца, — произносит Тихон Потапыч, а передо мной миска со щами появляется — обедать пора. Суп какой, щи — это у нас обязательно. — Ты клятву дала, что заметно по тебе. Значит, рано или поздно на войне окажешься, а там очень плохо неучем быть.

— Да, это правильно, — соглашаюсь я. О клятве не говорила я и раз он знает, значит, действительно заметно.

— Алеша твой слишком юн, — продолжает наш домовый. — Потому жалко его в бой, к тому же пары не было у него, а теперь есть. К тому же ты из иного мира, отчего интересно всем, что знаешь ты. Особенно сотнику любопытно, смекаешь?

— Где-то так я и думала, — киваю в ответ, доедая жутко вкусный обед. — И они все подозревают, что я на войну попрошусь?

— Скорей, что убежишь, — вздыхает Тихон Потапыч, при этом ощущение такое, как будто папа погладил, возникает, отчего я всхлипываю. — Ведь знаешь ты, что за особые подвиги Яга может встречу в Нави устроить.

Сначала я не понимаю, что он в виду имеет, а вот потом до меня доходит — папа. Но он же там, в том мире погиб? И я пытаюсь расспросить, но не отвечает домовой, наводя меня на совсем другую мысль. Он мне дает смысл — за что драться. Но у меня уже мама есть, о чем я и говорю. Самая лучшая на свете мама, все-все понимающая и принявшая меня. Да и Тридешатое я тоже приняла, а Родина для меня не пустой звук.

— То-то и оно, что воспитали тебя воином, — домовой, как мне кажется, очень даже меня понимает. — А у нас такое не принято. Вот и испытывают тебя... А сейчас, коли поела, доставай принадлежности свои.

Сейчас надо будет много писать, а то я его не знаю. Законы переписываю, запоминая, устав воинский, тоже наизусть учу. А еще обычаи знать надо, и много их очень. Я даже не представляла, что их так много. Кощей, когда сверг царя, принялся проводить реформы — что-то отменил, что-то новое ввел, но вот за четверть века построил государство вполне, по моему, справедливое. И в первую очередь колотушки запретил.

В Тридешатом прежде было распространено воспитание методом объяснения центру интуиции неправоты центра мышления. Кощей же просто объяснил, что детей надо учить, а не пугать. И теперь того, чего я вначале опасалась, точно не будет. Кому ж охота получить недовольство вождя? Вот этому меня Тихон Потапыч тоже учит — принимать Кощея именно, как вождя. И хоть нечисть он, да, видимо, нет уже разницы особой.

— Мама! — радостно улыбаюсь я, Несмеяну в окно увидав.

— Иди, встречай, — улыбка мне в голосе домового слышится. — Позже позанимаешься.

И вот она встает на пороге, а я к ней спешу, как маленькая просто. И сразу же обнимать кидаюсь, потому что соскучилась очень. И улыбчивая она, моя мама, потому что мне радуется. Могла ли я такое представить раньше?

Клятва

Маму переводят.

Китежград в осаде, и голод там в точности такой же, как в нашем Ленинграде. Полчища немцев все ближе к Златограду, так в Тридесятм Москва называется. Маму переводят в полевой госпиталь при авиации, а я... Была бы я лекаркой, она бы меня с собой взяла, но я изучаю печки, поэтому должна остаться. И вот у нас остается несколько часов, все слезы уже выплаканы, да и я понимаю, что такое «надо» на войне.

— Я знаю, что ты не выдержишь, — мама обнимает меня, глядя по голове. — Постарайся побережись. Я не знаю, как у тебя получится, но...

— Разве что в колонну пробраться, — вздыхаю в ответ, наслаждаясь маминой лаской. — Но найдут же... Скажи, а то, что меня на танки... в смысле, на печки учиться отправили — это проверка была?

— Сотнику интересно стало, — кивает она. — К тому же ты много хорошего предложила — и защиту с воздуха, и раскраску, так что окупилось, можно сказать. Официально тебя взять не могут, но печки в пути, бывает, отстают...

— Ага-а-а... — тут до меня доходит, что она сказать хочет. — И ты не против того, что я... Ну там же убить могут.

— Везде могут, — мама вздыхает, прижав меня к себе. — А ты воинского рода, и клятву уже успела дать неизвестно как. А раз вышло у тебя, то, выходит, приняла ее наша земля. Сама суть Руси приняла твою клятву, и даже Кощей не сможет этому противиться, понимаешь?

— Вот как... — я удивляюсь, потому что таких подробностей не знала. Думала, клятва — как присяга, а тут, оказывается, еще не у всякого принять могут.

— Ты все равно сунешься, — продолжает она свои объяснения. — Лучше, чтобы при этом одной ты не была.

— Ты волшебная... — тихонько говорю я, закрывая глаза, чтобы запомнить ощущение маминых рук.

— А это подарок тебе от сотника, — она мне протягивает две маленькие стилизованные печки. — И Алеше звание выровняли, так что если что, о многом это говорить будет.

Я теперь, выходит, в звании «младший печкарь». Устав женщин в армии изначально не предусматривал, а когда Кощей равные права установил, то названия решили не менять. А раз воинское звание уже дали, то секрет Полишинеля, получается. Все всё знают, но формально не говорят, подозревая, что на войну я сбегу. По уставу... Как только мою клятву приняли, просто так выгнать уже не могут. А приняла ее высшая инстанция, так что...

Мама уезжает на фронт. Как бы он ни назывался здесь, только я использую привычные мне названия, вот и выходит, что на фронт она уезжает, а я в тылу остаюсь. Врачи всегда были не вооружены, значит, она совсем там беззащитной будет и все во мне протестует против этого. Алеша, на самом деле, тоже стремится туда, иначе бы он обучение совсем иначе построил бы. Значит...

— Завтра печкари отправятся в бой, — рассказывает мне мама, откуда-то карту достав. От Галича до Златограда не так далеко, оказывается. — Вы останетесь почти одни, и проверить вас будет некому. Сотник просил меня поговорить с тобой, чтобы ты осталась тут, но я знаю свою дочь.

— Благодарю тебя, мама, — отвечаю я, понимая все недосказанное.

— Береги себя, — вздыхает она, в окно взглянув.

А там идет на посадку летучий корабль. Утыканный пушками-огнебоями, он выглядит действительно парусным кораблем, только каким именно — я не скажу, не разбираюсь в них просто. Этот самый корабль, который я уже без удивления воспринимаю, потому что насмот-

релась, заберет у меня маму. И хоть знаю я, что приказ такой, что война идет, а чувствую подступающие слезы.

Мама, на меня с подозрением поглядев, достает откуда-то сверху бутылочку небольшую, из которой в чашку отливает, а затем лишь разбавляет водой из ковша и мне спаивает. Слезы отступают, и спокойнее я себя ощущаю. Я знаю — прощаться надо, и еще — надо в руках себя удержать, иначе маме очень тяжело будет, а зачем нужно, чтобы она грустила?

— Будем прощаться, — вздыхает она, меня крепко обняв. — Береги себя, Аленушка.

— И ты, мамочка, — тихо произношу я, вцепившись в нее.

Очень трудным оказывается отпустить маму. Бесконечно тяжело, ведь я помню, как уходил папа в тот, последний раз. Страшно мне потерять ее, ведь только же что обрела, но я делаю над собой усилие, потому что так надо. Делаю усилие и двигаюсь с ней к выходу, уговаривая себя отпустить. А мама сама все понимает, она гладит меня, напоминает о вестниках, о том, как ими пользоваться, просит не забывать отправлять, чем отвлекает меня от подступившей снова истерики.

— Встретимся после войны, — вздыхает мама, отправляясь к трапу, а я смотрю.

Я просто гляжу ей вслед, держа себя в руках из последних сил. Ненадолго помогло снабдь, я уже опять плакать готова. Вот она скрывается внутри, взлетает летучий корабль, и я понимаю, что одна осталась. Выходит, совсем одна я осталась, и потому надо себя в руки брать. Карту мама мне оставила, потому у меня занятие будет.

Я захожу в дом, сажусь у самого входа и отпускаю себя. Мне действительно поплакать надо, очень даже. Хорошо, что никто не видит, кроме домового, но при нем можно. Вот этим я и занимаюсь — тем, что плачу, потому что боюсь повторения истории. Очень даже, потому и плачу почти без остановки. А вот домовая никак себя не проявляет, будто нет его.

— Вот также папа уходил... — проплакиваю я. — А потом только ящик вернулся, и все. Даже не увидела его на прощанье...

— Несмеяна будет жить, — твердо, как мне кажется, произносит Тихон Потапыч. — А тебе надо с силами собраться и сделать то, что собиралась.

Он будто точно знает, что я задумала. И я иду снова к карте, на которой отмечен путь войска... хм... дивизии печной, насколько я понимаю, просто по количеству. Мне нужно подумать, как пройти так, чтобы уже в бою себя показать, и вариантов прогнать не было уже. А разведки, между прочим, нет у нас, и где сейчас враг — вообще неведомо. Значит, надо прикинуть разные варианты. Щит на печку установили, так что «хоть как» мы уже прикрыты, а вот все остальное...

Как папа говорил, бой покажет. Все же, учитывая, насколько уверенной была мама, она сделала все, чтобы я не попала в неприятности. Но в том, что на войну сбегу, она уверена. Не скажу, что не думала об этом, но... Хорошо, очень думала, потому что невозможно в стороне стоять, когда за Родину в бой идут, не то у меня воспитание. Только надо будет едой озаботиться, и водой еще, ведь кто знает. Как правильно заряжать обереги, мне показывали, как работать своей силой тоже. Вот была бы я ведуньей, во сто крат проще было бы, но чего нет, того нет.

* * *

А вот заместителя по политической части называют просто «старшиной». И он сейчас меня в сторону уводит, пока печкари готовятся к походу. Алеша грустно у нашей печки сидит, но меня уводит старшина. Почему-то не нас обоих, при этом он что-то совершенно точно понимает. Видимо, считает меня старшей, или тут есть какая-то тайна, о которой я скоро узнаю.

— Ты воинского рода, Алена, — спокойно произносит старшина. — И дала клятву. По правилам, сотник тебя не может к нам взять, но ты не останешься, и все мы это понимаем. Посмотри сюда...

Он достает карту, начиная мне показывать, когда именно я могу присоединиться, и объясняет, что говорить нужно, если остановят. Таких подробностей я не знала, а остальное он понял очень даже хорошо. Это теперь моя земля, на которую враг пришел, а я дочь своего отца, погибшего за Родину. Но не спросить об Алеше я не могу, ведь не просто так именно со мной разговор ведут?

— Алеша сам не умеет пока решать, — вздыхает старшина. — Пережали воспитатели, вот и действует он лишь по уставу. А вот ты...

Я знаю, что он в виду имеет. Мой напарник спрятался от мира за стенку устава и действует в точности, как записано, а я так не смогу, и старшина понимает это. Во-первых, у меня знаний много, а во-вторых, мы против правил будем, если рванем на фронт. То есть по сути я угоню печку, что для Алеши вообще немыслимо. Потому и говорят со мной, чтобы я в правильном направлении ее угнала, а не погибла зазря. Вот как-то так я понимаю мне сказанное, ну а затем уже и сотник зовет нас обоих.

— Вы остаетесь здесь, охранять, — сообщает он, на что я стараюсь не реагировать, а вот Алеша вытягивается и сообщает, что он всеми силами защитит неизвестно от кого избы и голое поле.

Интересно, сотник сам верит в то, что говорит? Или просто по необходимости? Мне кажется, что он все понимает, но просто не может меня поощрить на нарушение устава, так-то он не дурак. Откуда мне знать, как правильно должно быть? Я же танки раньше не угоняла, а печка от него отличается несильно. Дым у нее, кстати, есть, и дрова тоже, за чем следить необходимо. Для маскировки он используется, что и логично, по-моему, а я опять отвлеклась.

Уходят печки, выстраиваются по двое и ровными рядами уезжают в сторону Златограда, к которому подходит уже враг. На Руси немцами всех иностранцев зовут, но для меня это название конкретику имеет, как и для каждого, кто в покинутом мире жил. Совершенно конкретные это для меня фрицы. Наверное, воспитание сказывается, потому что ненавистью захлестывает просто.

Алеша смотрит на меня спокойно, и вот в этот момент я стихи вспоминаю. Те самые, в сорок втором написанные стихи, которые папа наизусть знал, ну и я... тоже. Папа меня же многому учил, и во всем я старалась на него походить. И вот сейчас я смотрю в глаза Алеше, еще не понимающему, что все изменилось. У него родные погибли все, вот и спрятался он, а психологов здесь нет. Значит, к месту будут они, эти стихи.

— Если дорог тебе твой дом... — я негромко начинаю, будто в раздумьях, а у Алеши интерес в глазах появляется и прислушивается он еще.

А я читаю стихи, представляя себе, что это о нынешних немцах писано, что они маме угрожают, и всем нам сразу. И меня хотят, прямо как в стихах. И зверею я, голос поднимая. Ненависть в голосе моем, и знаю я это. Ярость в нем, потому что требую я сейчас от Алеши убить немцев, всех до одного убить, потому что не имеют они права жить. И слова меняю, ведь не знает он, что такое «винтовка».

— За чужой спиной не сидят, — убеждаю я Алешу. — И мечом чужим не мстят.

И вот тут его взгляд меняется. Я будто заражаю его своей ненавистью, оживает он. А вслед за Симоновым идет и Берггольц, только заменяю я Ленинград на Китежград и вот уже совсем другой Алеша передо мной стоит. Он оглядывается вокруг, но дождавшись, когда я закончу, свой взгляд в мои глаза вонзает. Иначе совсем он смотрит, ведь мужчина передо мной. Настоящий.

— Ты хочешь в бой, — уверенно произносит он. — Я с тобой.

— Нужно собрать еды, запастись оберегами и огнебойным припасом еще, — выкладываю я ему свой план. — А затем лесами пройти к Златограду, но не вылезать сразу, а что-то придумать, чтобы бой со всеми принять, тогда не прогонят нас.

— Все уже выяснила, — улыбается Алеша, приняв уже решение. — Самовольное оставление получается?

— Не-а, — я головой мотаю. — Клятву Русь приняла, значит, повинны мы защитить землю нашу.

— Не положено вроде, — очень неуверенно произносит он.

— Клятва, Алеша, — качаю я головой и вот тут до него что-то доходит.

— Тогда... завтра? — интересуется Алеша, что-то прикидывая.

— На ранней зорьке, — киваю в ответ.

И вот тут мы разбегаемся. Мне нужно уговорить домового на припасы, и одежды с собой взять не забыть, и много еще, ведь хоть одета я в мужское, но девочка все же. Алеше тоже собраться надо, ведь будто ждал он моих слов. Наши поэты, конечно, великие люди, но если бы он не думал о побеге, вряд ли бы вышло что. Значит, просто повезло мне. Алеша-то хороший, просто приоритеты у него не всегда правильные, а сейчас все изменится.

Я добегаю до терема, раздумывая о том, как уговаривать буду, ну и еще — что взять с собой надо. Одежку мне мама купила, но она на выход, а мне нужно по лесам. Значит, камуфляж мой обязательно, только надо на него приспособить петлицы с печками, потом еще белье, понятно, почему, ну и так далее. Сейчас буду жалобно разговаривать и делать бровки домиком, что у меня никогда не получалось.

— Решилась все же, — не позволяя мне что-то сказать, произносит Тихон Потапыч. — Тогда садись вечерять. Матушка твоя, Несмеяна, распорядилась приготовить ядь³ тебе с собой да одежду еще, по воинскому уставу.

— Ой... Благодарствую! — радостно отвечаю я, отлично понимая: мама позаботилась обо всем.

Обычно, когда сбегает куда-то, делают все второпях да втайне. А тут все знают, помогают изо всех сил, но все равно решение за мной оставляют. И ведь понимала мама, что там могут убить, еще как, при этом не старалась отговорить, а взрослой меня посчитала, способной на самостоятельные решения. Вот именно поэтому у меня есть время еще раз подумать. Готова ли я к этому?

Ну хорошо, допустим, струшу я сейчас. Отсижусь в тереме крепком, с нормальным питанием и без всяких хлопот, а мама тем временем будет жизнью рисковать. Вот как я себя буду чувствовать? Как я буду смотреть людям в глаза, а ведь мне здесь жить? Вот и выходит, что не смогу я струсить.

Так что правильно все.

³ Еда, продукты

Угнать печку

Открыв глаза, понимаю я, что зорька действительно ранняя — едва рассвет брезжит. Значит, Тихон Потапыч разбудил меня, когда попросила. Что мне снилось, я помню — папа. Совсем как в тот последний раз он выглядел, только мы не дома гуляли, а по лесу. Обычный такой лес средней полосы, и вот там папа сказал мне, что делаю я все правильно и он мной гордится, отчего я на мокрой подушке и проснулась. Зато теперь сомнений никаких нет.

— Доброй утро, Тихон Потапыч, — сладко потянувшись, произношу я.

— Здрава будь, печкарь младшая, — по уставу воинскому приветствует меня домовый. — Помог тебе сон, девушка красная?

— Очень, — вздыхаю в ответ. — Не знаю, что это за сон был, но папу увидеть — дорогой подарок.

— Оно и видно, что не знаешь, — ворчит Тихон Потапыч. — Мокошь перед сном о совете спрашивала? Вот ответ тебе.

Ой, точно же. Рассказывал же он мне о такой традиции — можно судьбу спросить перед важным событием, и иногда получить ответ. Папа во сне — это ого-го какой ответ, потому что не было в моей жизни никого дороже его. Только ставшая мамой Несмеяна, царевна бывшая, она теперь мне очень важна, и ее могут убить. А я же умею... Ну, теоретически, но моих знаний хватит. Основные противники у нас пешие да летающие, еще големы всякие, которых и на таран можно, если не каменные, танков у немцев нет — другая культура, другие сказки.

Все же кажется мне, что больше всего упор на сказочные персонажи в этой войне, учитывая еще, что Кощей по какой-то причине не смог просто взять к когтю врагов. Ну и наступление их не очень нормальным мнится мне. Значит, могут воздействовать как-то иначе еще, страх нагоняя. Мне бояться нечего — убьют так убьют, хоть и воспринимаю я это больше как игру. Себе-то врать я не способна.

— Поела? — интересуется домовый, как будто сам не видит. — Сидор с едой отдельно лежит, а с одежей рядом.

— Благодарствую за все, — отвечаю я, поднявшись из-за стола. А потом поклон отвешиваю еще, рукой пола коснувшись. — Прости, если что не так.

— Доброго боя, воин, — произносит Тихон Потапыч, а за окном уже и пыхтящие звуки раздаются — Алеша на печке приехал.

— Ну, пора, — вздыхаю я, прихватив оба мешка.

На печке я ездила, управлять ею умею. Нам пострелять даже дали, поэтому и разбираюсь, конечно. Выхожу на крыльцо, с трудом мешки уволаскивая, а Алеша мне навстречу бросается — помогать. Тихо попыхивает печка, дымовую подушку вокруг себя создав, одна пушка смотрит вперед из-за щита, а вторая — калибром поменьше — назад и в небо. Оглянувшись на ставший домом терем, поддаюсь внутреннему желанию, поклонившись ему, а затем уже надеваю шлем, поданный Алешей.

Одежда на мне камуфляжная, потому как многое в ней предусмотрено, особенно то, что девушка внутри будет, то есть нигде ничего не натрет. В местной форме уже тоже, но мне так просто удобнее, и карманов больше, куда я складываю разные нужности — обереги, кусок хлеба... Забираюсь внутрь, удобно устроившись на месте водителя, карту на положенное место укладываю и прижимаю ее специальным образом. На ней сразу же загорается огонек — показывает, где мы. Да, даже навигатор, можно сказать, есть.

— Здрав будь, Алеша, — улыбаюсь я. — Я вперед, ты назад, потом меняемся?

— Здрава будь, Алена, — отвечает он, уже более решительным выглядя. — Добро.

Он перелезает за пушку, что от атаки с воздуха нас прикрывать должна, я же трогаю обереги движения. Указники, как здесь приборы называются, оживают, и печка, громко пых-

нув, отправляется проложенным маршрутом к Златограду, куда вчера печки нашей тысячи ушли. Тысячей дивизия зовется, полутысячей полк, а батальон или рота сотней, зависит от рода войск. В нашем случае сотня — это батальон, а рота — полусотня, у пехоты же все немного иначе.

— Движемся ко Златограду, — извещаю я Алешу, а сама двигаю вперед ладовник, что будто джойстик, управляющий движением.

Печка начинает громче пыхтеть, и мы набираем скорость, а я запеваю «Вставай, страна огромная», заменяя фашистов на немцев. И кажется — будто вторит мне лес вокруг. Все же очень сильные и песни, и стихи у нас придумали в Великую Отечественную, раньше-то они мне были привычны, а вот сейчас я будто чувствую их совсем иначе...

Изображая из себя маленький паровозик, пыхтит печка по дороге. Встречных нет никого, что я считаю добрым знаком, а по карте ползет светящаяся точка, указующая путь. Вот, например, в печке это возможно, а в небе нет и почему так, я не знаю. Просто как факт мне рассказали, и все. После войны, если жива буду, надо будет поинтересоваться. А мимо пролетают отдельные дома, деревеньки за отворотами, да и все. Из одного леса ныряем в другой, а тут уже, кроме обычных дорог, имеются и тропки лешачьи, которыми пользоваться осторожно надо. Вот как сейчас...

— Здрав будь, хозяин леса, — кланяюсь я, из печки не вылезая. — Дозволь тропкою тайной путь сократить, к Златограду поспешая.

— Иди, воин, — отвечает будто сам лес, и появляется передо мной неучтенная тропинка, куда я очень осторожно вмещаю печку.

Вот так бац — и треть пути. Но пора и отдохнуть, потому как Алеша того и гляди уснет, а еще мужика кормить надо вовремя. Алеша, правда, на мужика еще не тянет, но другого у меня нет, так что нужно его кормить просто обязательно. Вот поэтому, едва мы выезжаем в обычный лес, я останавливаю печку. Сначала надо потянуться — пятый час едем — а потом уже и питание.

— Алеша! — зову я его, не оборачиваясь. — Давай поедим, ну и ноги разомнем.

— А? Что? — слышу я сонный голос, понимая, что уснул мой «мужик».

Следующая моя фраза очень плохо переводится на любой язык, потому что ко второму командному языку относится⁴. В течении минут трех я рассказываю ему, как он неправ, потому что так делать плохо. На самом деле очень плохо — я же уверена была, что сзади прикрывает, а тут оказывается, что нет. Мало ли что по своей земле идем — случаи разные бывают, а летающие птицы вообще ни от чего не зависят. Но сейчас я, достав наши припасы, принимаюсь бутерброды делать, потому как расслаживаться не время.

— Поедим быстро, — объясняю ему. — Чтобы до темноты хоть поблизости от наших оказаться.

— Тоже верно, — кивает Алеша, о чем-то задумавшись. — А где мы?

— У деревни Васьки, — сообщаю я, взглянув на карту.

— Да, спать больше нельзя, могут достать, — задумчиво отвечает он, и вот тут меня озяряет.

Он же знает, как далеко враг может забраться! Вот и посчитал, что пока поспать может, но ругать все равно еще буду, потому как предупреждать надо. И объясню еще, почему он очень плохо поступил, пока он мою речь пытается на понятный язык себе перевести. А то так уснет, когда не надо, а я буду думать, что в безопасности нахожусь и там наша история закончится. А кому это надо?

* * *

⁴ «Вторым командным» традиционно называют не слишком цензурную лексику

Оказывается, печка все же печка. То есть горячую еду в ней готовить можно, и тут мне Алеша очень помогает, потому что без понятия я, как в печке суп сварить. Он подсказывает и рассказывает, я же в горшок ингредиенты кидаю и ставлю его внутрь. Алеша улыбается, и вообще он как-то освобожденно себя чувствует, на мой взгляд. А мы стоим в лесочке, еще немного осталось — на самом деле, уже и угадать можно, где враг, будто туча черная висит в той стороне. Скоро нам в бой — понимаю ли я это? По-моему, нет, ведь война — это ужас и смерть, а я как на пикнике...

— Ты совсем другая, — говорит вдруг Алеша, усаживаясь рядом. — Непохожая на наших девчат. Боль в тебе живет, но и уверенность, а еще ярость воинская.

— Там, откуда я пришла, — объясняю ему. — Тоже война была. Страшная война, очень даже похожая на то, что здесь. И вот...

Я принимаюсь рассказывать историю Великой Отечественной, но напевным, местным языком, чтобы ему понятнее было. Как шли враги до столицы, как взяли в осаду Ленинград, что делали с людьми, в их власти оказавшимися, и слушает он меня. А еще я достаю готовый суп, сообразив, что котелки-то мы забыли. Зато ложки есть, поэтому я приглашаю Алешу, хлеб достав — каравай душистый. Но при этом рассказ продолжаю, против воли почти вплетая в него услышанное от Вестника Кошечкина.

Вот так из одной посуды ложками по очереди едим мы, и как-то тепло мне на душе становится. Никогда у меня такого не было, чтобы рядом товарищ боевой, чтобы не ждать подлости и предательства, чтобы впереди бой с понятным врагом. Не в спину удар, не придирки, не гнилотная брезгливость, а все понятно. Может быть, поэтому я спокойная такая? Знать, что свои не предадут — очень много. Для меня, три года жившей в условиях, когда спрятаться от мира можно только у бабушки, а год вообще нигде — это важно очень.

— Тебя надо ставить перед боем говорить, как старшину, — сообщает мне Алеша. — Вот веришь, нет, а желание зубами немцев грызть появляется.

— У нас будет такая возможность, — вздыхаю я, доедая суп, получившийся очень даже вкусным. — Давай чуть отдохнем и дальше двинемся, только...

— Да, здесь надо будет осторожно уже, — кивает Алеша, серьезным вмиг становясь. — Будто тоска от слов твоих отпустила... Точно тебя в старшины надо, умеешь ты.

— Скажешь тоже, — смущаюсь я, потому что оценка очень высокая выходит.

Алешка помогает мне собрать питание наше, закрыть ту часть печи, в которой еду готовят, а затем мы обратно залезаем. Тут уже я проверяю пушку огнестрельную. Она заряжена, и заряды рядом лежат, а небойей, сиречь, зенитку осматривает Алеша. Разведки у нас нет, и враг может в любой момент появиться. Ближе мы уже к Златограду, очень даже, но канонады я не слышу, и что это может значить, не слишком понимаю. Правда, какой должна быть канонада, тоже не знаю, так что...

Внимательно разглядываю карту, поставив отметку, где остановимся. Жалко, я о разведке совсем немного знаю, только то, что из фильмов, и папин друг, что из войск дяди Васи, научил. Значит, надо встать на вот этой отметке, заехать в лес и сходить осмотреться. По-моему, вот в этом круге очень удобно встать, чтобы собрать войско для удара по нашим. Вот и посмотрим.

— Ты что-то задумала, — проникательно замечает Алеша, поглядывая вверх, а вечереет уже. Несмотря на тропки особые, весь день едем.

— Вот глянь, — я ему карту показываю. — Вот тут встанем, и я схожу посмотрю. Если вот тут кто-то есть, то сможем атаковать сразу вот так и к нашим выскочим.

— Опасно это, — вздыхает он, а затем в глаза мне прямо смотрит. — Ведь я тебя защищать повинен...

— Ты еще успеешь, — смеюсь в ответ, тронув ладоник.

Помню, как удивилась, узнав, как ручка управления называется. Она, кстати, везде так называется — и на гражданской технике тоже, и даже у летунов. А мы начинаем движение. Медленно, чтобы пыhtением никого не привлечь, потому и идем не спеша, а вокруг вечер в свои права вступает. Проектора у нас нет, и это мы неправильно поступили, что не подумали, так что если стемнеет, придется на ночевку становиться, что вблизи врага неумно.

Но до нужной точки добираемся еще засветло, и я, отработав ладовником, загоняю печку под деревья, а сама спрыгиваю на землю. Рядом и Алеша оказывается, он мне в глаза смотрит так, будто и не верит, что я смогу. Но я должна, ведь у него навыков еще меньше, а меня хоть чему-то учили, ну и камуфляж на мне. Он в лесу вполне скрыть может. Не «леший», конечно, но и нет здесь таких средств обнаружения. Кстати, надо будет бережникам подсказать, если смысл в тепловизоре вообще есть. Да, освоилась я.

— Вернись живой, — просит меня Алеша, а я, сменив тяжелый шлем на берет, улыбаюсь.

— Даже соскучиться не успеешь, — прижимаю руку к груди в воинском приветствии и мягко ступаю в лес.

Это наш лес, он совершенно точно не предаст. И иду я мягко, от дерева к деревцу, стараясь услышать неправильность. Мое внимание вознаграждается — лязг впереди. Ложусь на жухлую по осеннему времени траву, ползу вперед. Спокойно, не торопясь, чтобы не успеть. В Навь мне рано пока, мне врагов убивать надобно, вот такая у меня нынче философия.

Вот они... Сначала чувствую, а потом уже вижу: два больших глиняных человека стоят. Это големы, как мне уже известно, за ними панцирная пехота свиньей выстраивается, а чуть позади гномы какие-то. Но каменного нет ничего, а вот чего они выстраиваются, я сейчас и понаблюдаю. Очень мне интересно, чего они тут забыли. И будто желая мне помочь, появляется худое существо в черном плаще, сразу же гавкать начиная. Язык такой, значит.

Жестикулирует, и вот по жестам я начинаю понимать — во фланг нашим ударить хочет. Чтобы напугать окружением, значит. Ну вот эти планы я ему и подкорректирую. С такой мыслью обратно отползаю и спешу к печке. Времени у нас не то, что бы очень много, но должны успеть. Задача такая — големов бьем, остальных на таран, то есть, давим, а Алешка из зенитки потом добавит тем, кто уцелел. Думаю, хорошо получится.

Ну а там выскочим к своим, а так как мы из боя будем, то прогнать не должны. Старшина, который замполит, говорил давеча, что не должны, если в бою, вот и попробуем поверить. Сейчас же я ползу, чтобы затем бегом помчаться к печке. Людьюми враг почти не выглядит, так что не должно быть у меня реакции на убийство. Папа говорил, что в первом бою у всех бывает, но мне нельзя просто. Я должна сильной быть, чтобы мужчины не подумали, что они чем-то лучше. Так-то.

Первый бой

Последние мгновения перед первым боем. Я просто представляю, что в компьютерной игре сейчас, есть у нас такая, с танками, вот это я и представляю, чтобы не бояться, потому что страшно на самом деле. Алеша собран, стихи ему прочитала, и сама тоже... Ну, для храбрости — Исаковского, чтобы понимать, что нет плена для меня. Пушки обе заряжены, место для разгона определено... Последние секунды... Сейчас мы рванем в бой, и станет поздно что-то менять. Интересно, у предков в Великую Отечественную также было?

— Никто не даст нам избавленья: ни бог, ни царь и не герой, — шепчу я слова древней песни «Интернационал», подавая ладовник до упора вперед. Яростно зашипевшая печка буквально прыгает вперед.

Я знаю эту песню, ведь с ней в бой ходили наши предки. С ней в бой и папка наверняка ходил, потому что знал все эти песни. И вот теперь я иду, потому что так правильно. Я верю — предки помогут мне врага одолеть. А печка все ускоряется, мне же надо ладовником отрабатывать, чтобы не врезаться ни во что. Деревья, кажется, в полосу сплошную сливаются, но это, конечно, не так — не такая уж и высокая скорость, просто я будто сливаюсь с печкой сейчас, вперед устремляясь.

— Огонь! — кричу я, как только елки в стороны подаются, открывая поляну, на которой гады кучкуются.

Бах! Прямо над ухом, Алеша быстро перезаряжает, а я пролетаю через облако дыма, после взрыва оставшееся, и утюжу поляну. Кто-то кричит, кто-то гавкает с паническими интонациями, а наше орудие опять бахает,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.